

Первая «толстушка» СССР

Ровно 45 лет назад, 4 января 1967 года, вышел в свет первый номер еженедельной «Литературной газеты» на 16 страницах. Так начиналась история одной из лучших газет Советского Союза. Юбилей отмечает и наш знаменитый «Клуб 12 стульев», выходящий с той поры.

СТР. 11, 16

Диалог или ультиматумы?

Сегодня много говорится о необходимости наладить диалог между властью и обществом. Однако власть не спешит, а оппозиция, которую принято называть несистемной, выдвигает лишь ультиматумы: выполняйте наши требования — и всё тут. Так возможен ли в нынешнем российском обществе конструктивный диалог?

СТР. 2

Премьера рубрики

«Писатель у микрофона» — так называлась одна из самых популярных передач Всесоюзного радио. Увы, времена изменились, и у микрофона писатели появляются редко. А если появляются, то далеко не всегда те, которых хотят слышать читатели. Времена изменились, а настоящая литература осталась и просит слова.

И новую рубрику мы назвали «Писатель у диктофона». Это будут интервью с авторами, обнесёнными, может быть, премиями, но не талантом. Открывает рубрику Валерий Былинский, автор романа «Адаптация».

СТР. 4

20 лет спустя, но не Дюма

20 лет назад постмодернизм пришёл в Россию. С тех пор множество раз объявляли о его смерти, однако этот стиль пронизал буквально все слои нашего общества и проник даже в политику. «ЛГ» начинает дискуссию «Постмодернизм: 20 лет спустя» прежде всего с целью выяснить, что дало это направление русской литературе: превратило её в аутсайдер или, наоборот, стимулировало неслыханное развитие, уничтожило традицию или продолжило её на новом уровне.

СТР. 5

Охота на адвокатов

По данным Федеральной адвокатской палаты, количество нарушений прав адвокатов каждые два года удваивается. Обыденными становятся незаконные допросы и обыски, отказы в выдаче необходимых для выступления в суде документов, нападения, избияния и даже убийства правозащитников. О том, почему это стало возможным, размышляет доктор юридических наук Гасан Мирзоев.

СТР. 13

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 18 919 человек. Заходите!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году при участии А. С. ПУШКИНА
Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

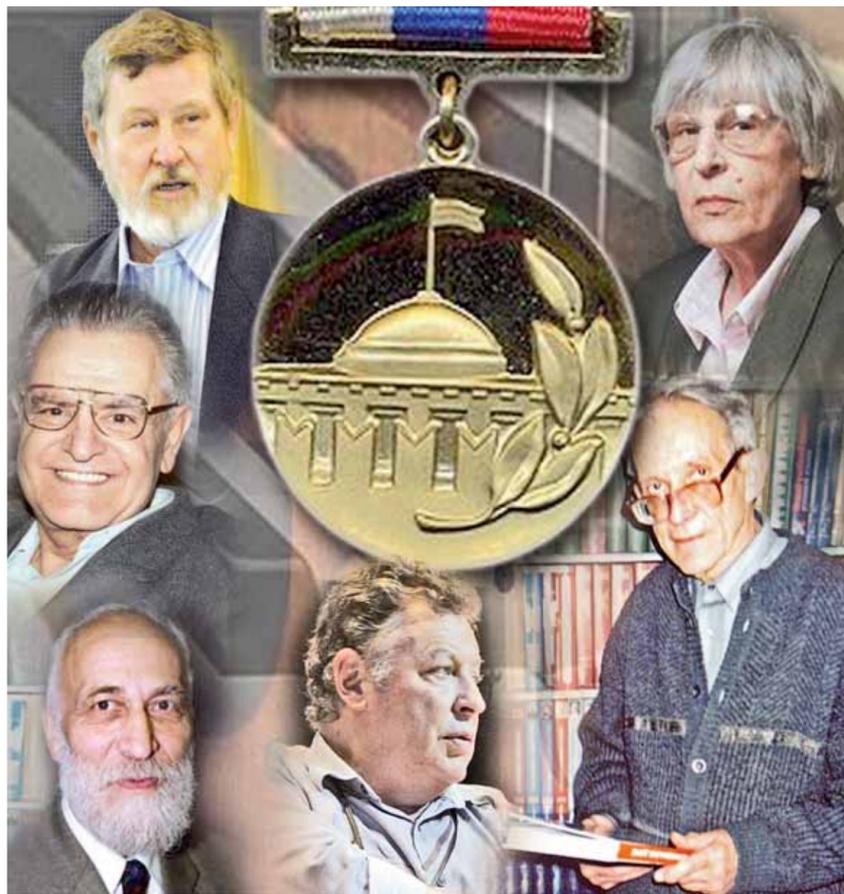

EUROPE: D – 2,20 €; A – 2,30 €; B – 2,30 €; PL – 12,90 PLN; L – 2,30 €; CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50 €; I – 2,50 €; GR – 2,5 €; CYP – 1,35 CYP; TR – 5 M. TRY; CH – 3,50 CHF; GB – 1,80 GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK; NOR – 23,00 NOK; E – 15 EGP; USA – 2,50 \$; C – 2,55 CAD

Международное издание

Выходит по средам

Не поддельное

Из Распоряжения Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2011 г. № 2373-р г. Москва «О ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2011 ГОДА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ»

Присудить премии Правительства Российской Федерации 2011 года в области культуры:

Личутину Владимиру Владимировичу – за книгу «Раскол»;

Волгину Игорю Леонидовичу – за серию книг «Документальная биография Ф.М. Достоевского»;

Искандеру Фазилю Абдуловичу – за книгу «Избранные произведения»;

Туркову Андрею Михайловичу – за книгу «Твардовский» из серии «Жизнь замечательных людей. Малая серия»;

Мориц Юнне Пинхусовне – за книгу «Крыша ехала домой»;

Воскобойникову Валерию Михайловичу – за серию книг «Жизнь замечательных детей».

Председатель Правительства Российской Федерации
В. ПУТИН

СКАНДАЛ

Молчание бандерлогов

Мы много – и справедливо – писали, что государство словно бы потеряло из вида важнейший идеологический инструмент – литературу. Но вот наконец то ли количество наших выступлений начало по закону диалектики переходить в качество, то ли просто время пришло: государство повернулось к литературе лицом. «ЛГ» выдвигала на премию Президента России для молодых деятелей культуры яркого поэта поколения, приближающегося к 30-летию, – Марию Маркову. Мы искренне радовались успеху Маши, потому что считаем государственную награду высшей формой поощрения литературы и стимулом её развития. Но эту радость с нами, увы, мало кто разделил.

Галина Юзефович в программе «Контекст» назвала президентскую премию «маргинальной». Таким образом, в ряд маргиналов автоматически попали и её обладатели. А ещё либеральный критик Юзефович считает отечественную литературу аутсайдером и именно на этом основании полагает, что гипотетическому русскому писателю в ближайшее время может быть присуждена... Нобелевская премия. Дескать, Нобелевский комитет любит отстающих, и потому наши шансы высоки как никогда. Выходит, не только Нобелевский комитет, но и администрация Президента РФ с точки зрения нашего доморощенного истеблишмента – такие столовые для бомжей. Не то что «Букер» или «Большая книга». Вот где обитает литературная аристократия! Как же должно перевернуться сознание, чтобы считать частные кормушки услдой литературных гурманов, а государство – собираателем обьедков, симулякры – подлинниками, а неподдельные ценности – секунд-хендом!

26 декабря был подписан в печать последний номер «Литературки» за минувший год. В этот же день вышло Распоряжение № 2373-р «О присуждении премий Правительства Российской Федерации 2011 года в области культуры». Там были названы имена «велико-ленной шестёрки» писателей – Юнны Мориц, Фазиля Искандера, Владимира Личутина, Игоря Волгина, Андрея Туркова, Валерия Воскобойникова. Поздравляем лауреатов с особой радостью. И причин для неё несколько.

Во-первых, все они – до одного – являются давними, горячо любимыми и всегда желанными авторами «ЛГ». Во-вторых, нельзя не отметить поразительно взвешенный и эстетически безупречный выбор Межведомственного совета по присуждению премий. В-третьих, – и у нас нет причины это скрывать – выдающийся русский писатель Владимир Личутин – наш «крестник»: он был выдвинут «Литературной газетой», мы собрали пакет необходимых документов для представления и с трепетом ждали решения. Ванд писателей почвеннического направления давным-давно практически не было ни в част-

ных, что понятно, ни в государственных списках лауреатов. «Демократическая» литтусовка вопреки собственным декларациям крепкими доктами отгёрла почвенников от наград. «Террор меньшинств» – один из стойких идейных принципов эпохи постмодерна.

«Чужие среди своих», писатели русской идеи, следующие традициям Достоевского и Лескова, Гоголя и Пушкина, были искусственно маргинализированы и согнаны на обочину литпроцесса. И вот справедливость, похоже, восторжествовала! Младшего современника и единомышленника Распутина, Астафьева и Белова, создавшего небывалый по охвату и, безусловно, лучший за последние четверть века исторический роман «Раскол», наконец оценили по достоинству. И оценили подвижнический труд В. Личутина не просто эксперты и критики (они-то как раз молчали о «Расколе» в свои надушенные тряпочки!), а государство! И произошло это тогда, когда русский вопрос из закулисного и тихушного превратился в остра-актуальный и его игнорирование стало чревато большими потрясениями. Мы хорошо помним, как набрасывание покрыва на национальные проблемы привело к развалу великой державы и «параду суверенитетов».

12 января на заседании президиума правительства министр культуры А. Авдеев доложил В. Путину об итогах работы Межведомственной комиссии. Сказал министр добрые слова и о романе В. Личутина: «...очень интересный исторический роман «Раскол». Тема сложная, определённая веха в нашей истории, в литературе была освещена недостаточно, и получилась очень увлекательный и исторически точный роман». На следующий день, в пятницу, 13-го, зная, что указ о награждении уже подписан, мы бросились читать ежедневные СМИ и смотреть новостные каналы, надеясь увидеть родные счастливые лица триумфаторов. Нам как еженедельнику предстояло жить до выхода номера ещё долгих пять дней! Изумлению, как говорится, не было предела!

Ни одно из информационных агентств, ни один из федеральных телеканалов, не говоря уж о частных, не уделили событию достойного внимания! Мало того: из шести лауреатов везде – даже в сообщении РИА «Новости» – были поименованы всего двое – Мориц и Искандер (которых мы высоко почитаем и просто нежно любим). Только «Российская газета» пропечатала мельчайшим шрифтом в тесном ряду множества других правительственных циркуляров всех шестерых. Но бумажная пресса сегодня доступна далеко не всем. 80 процентов людей узнают новости из ящика. А телевидение дало усечённую информацию, нарушив тем самым элементарные принципы профессиональной этики. Мы понимаем, почему стыдливо замалчивается имя В. Личутина, человека прямого, часто резкого и всегда предельно искреннего. Сегод-

ня, после «оболотного» похода, роман «Раскол» может представлять прямую опасность для разработчиков «цветного» сценария развития событий. Но чем нашим коллегам не угодил Волгин с исследованиями о Достоевском? Или это величайший национальный гений кажется г-дам либералам слишком «реакционным»? Что плохого им сделал А.М. Турков, фронтовик, человек вполне демократических взглядов? Может быть, герой его книги, удостоенной премии, Александр Твардовский чем-то не устраивает медиамагнатов? Чем провинился создатель серии «Жизнь замечательных детей» Валерий Воскобойников? Но даже к упомянутым впроброс лауреатам не было замечено очереди репортёров и интервьюеров.

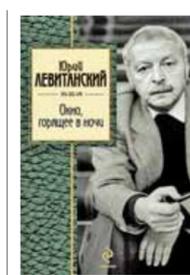
Позволив в несколько редакций, мы услышали стандартный, словно заранее согласованный ответ: «Вот будет награждать, тогда и отпишем (отснимем)». Оно понятно: где чествование, там фуршет. Однако странно представить себе, что медиаобщество оставило бы без внимания старт космического корабля и прозевало возвращение экипажа на Землю, а собралось бы только на пресс-конференцию в Георгиевском зале Кремля. А ведь сегодня награждение писателей государством – событие космического масштаба! Ещё невероятнее, если бы из шести космонавтов в выпусках новостей назвали бы лишь двоих, а об остальных «забыли».

Трудно отделаться от мысли, что кто-то сознательно дозирует информацию о значительнейшем событии в отечественной культуре, искажает информационное пространство, делая тем самым очередной «подарок» кандидату в президенты в разгар предвыборной кампании. Может быть, в этом участвуют не только прикормленные неофициальными премиями «культурные» журналисты, пространно комментирующие каждый чих «Набеста», месяцами пережевывающие длинные и короткие списки «Букера» и невнятно проборматывающие фамилии писателей, удостоенных высшей награды государства. Вполне вероятно, в «заговоре молчания» задействованы и отдельные чиновники из окружения председателя правительства, надеющиеся сохранить хлебные должности в случае смены декораций. Или они действительно забыли, что получили, когда власть хотела одного, а пресса – другого? Напомним: пресса тогда победила, и родились «лихие» 90-е, разобравшись в которых народу помогают книги о страшных последствиях русской смуты.

Участники митингов обиделись на В. Путина за фразу: «Идите ко мне, бандерлоги!» Зря обиделись! Ведь обезьянье племя у Киплинга отличается полной неспособностью принимать самостоятельные решения. По собственной инициативе они могут только закидать тигра экскрементами. Тигры, как известно, брезгливы. Но грязь к ним не прилипает.

Редакция «ЛГ»

«ЛГ»-РЕЙТИНГ

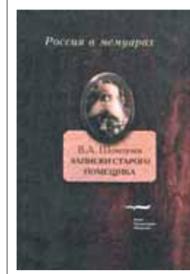

● Юрий Левитанский.
Окно, горящее в ночи: Стихи. – М.: Эксмо, 2011. – 320 с. – («Золотая серия поэзии»). – 3000 экз.

В настоящий сборник вошли все наиболее известные стихотворения Юрия Левитанского, в том числе и положенные на музыку, ставшие популярными в народе песнями. Основной темой данной книги является собственно поэзия – ars poetica, музыка слов, «евангелие от Сизифа», по выражению самого автора. Это и особый ритм, и виртуозная игра глаголами, и уникально долго лижущая строка. Но при этом – абсолютная естественность и глубина переживаний, тонкий лиризм – особенный, узнаваемый и любимый ценителями его поэзии. Как это ни удивительно, но стихи фронтовика Левитанского, популярные с середины прошлого века, не устаревают и по сей день, пленяя своей мелодией не только старшее, но и молодое поколение.

● Кристоф Мори.
Мольер / Пер. с франц. Е.В. Колодочкиной. – М.: Молодая гвардия; Палимпест, 2011. – 320 с. – (Серия «Жизнь замечательных людей»). – 5000 экз.

О Мольере (1622–1673) написаны сотни книг, однако он по-прежнему остаётся притягательной фигурой для исследователей литературы. Как известно, рукописей Мольера не сохранилось, дома, в которых он проживал, разрушены, и даже место его захоронения в точности неизвестно. На ком он женился – на собственной дочери или сестре своей возлюбленной Маллены Бежар? Каковы были его отношения с королём Людовиком XIV? Каким человеком он был в быту? До сих пор на эти вопросы нет чёткого ответа, что порождает массу пересудов и самых нелепых предположений. В своей книге Кристоф Мори пытается дать беспристрастную картину жизни великого французского комедиографа и актёра.

● В.А. Шомпулев.
Записки старого помещика. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 360 с.: ил. – (Серия «Россия в мемуарах»). – 2000 экз.

Эта книга поистине уникальна. В ней собраны записки саратовского старожилы Виктора Антоновича Шомпулева (1830–1913), печатавшиеся на страницах «Русской старины» и других дореволюционных журналов. Здесь и воспоминания об учёбе, и о кампании по замирению Кавказа, и о быте саратовских помещиков. Будучи человеком активным и успешным (предводителем Саратовского дворянского собрания), Шомпулев встречался с Николаем I, Александром II, Николаем II, военачальниками Барятинским и Слепцовым, а также многими видными людьми своего времени. Его очерки охватывают в общей сложности более ста лет истории Саратовской губернии, рисуя документальную картину провинциальной жизни России XIX века.

Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского

БОЛЬШОЙ ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ
22 января, воскресенье, 19.00

ФЕСТИВАЛЬ БОЛЬШОГО ЗАЛА

Авторский вечер

Александр ПАХМUTOVой

Симфонический оркестр Министерства обороны РФ

Дирижёр – Валерий ХАЛИЛОВ

Государственный академический русский хор им. А.В. Свешникова

Камерный хор Московской консерватории

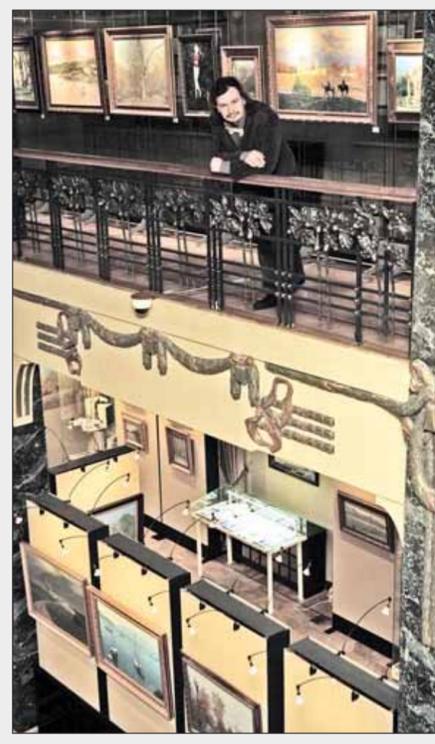
Дирижёр – Борне ТЕВЛИН

Соллисты –

Иосиф КОБЗОН, Тамара ГВЕРДИЦТЕЛИ, Александр ГРАДСКИЙ, Екатерина МЕЧЕТИНА, Оксана ВОЛКОВА, Павел КОЛПАТИН, Евгений КУНГУРОВ, Алексей ЛАВРОВ, Сергей РАДЧЕНКО, Владислав ЛАВРИК

Концерт ведёт
Святослав БЭЛЗА

ФОТОГЛАС

В Санкт-Петербурге на 80 процентов завершены работы по созданию «Гранд-макета России». На 800 квадратных метрах представлены все ключевые объекты России от Калининграда до Камчатки. Из последних нововведений на макете можно считать смену времени суток. Постепенно над всей территорией страны выключается освещение, и на макете загораются сотни автофар, уличные фонари, окна в домах, магазинах.

В минувшее воскресенье в Царской башне Казанского вокзала фонд «Фаворский свет» (президент Юрий Экономцев) организовал в галерее художника Дмитрия Белоукина «Святую сказку» для детей из московских детских домов и школы-интерната из Пушкинских Гор Псковской области. Весёлый спектакль, мастер-классы, сладкое угощение – всё было здорово!

ЗЛОБА ДНЯ

Диалог или ультиматумы?

Сегодня много говорится о необходимости наладить диалог между властью и обществом. К этому призывает и православная церковь. Однако власть не спешит, а оппозиция, которую принято называть несистемной, выдвигает лишь ультиматумы: выполняйте наши требования – и всё тут.

Так возможен ли в нынешнем российском обществе конструктивный диалог? В каком формате? Кто, с кем и о чём может и должен говорить?

торым гражданам досконально известно. Это уже будут зачатки диалога.

ВЫЙТИ В ПРЯМОЙ ЭФИР

Валерий ХОМЯКОВ, генеральный директор Совета по национальной стратегии.

— Очевидно, что политический кризис, а иначе ситуацию не назовёшь, вызрел достаточно давно. Его истоки имеют нашу российскую природу. Выборы в Госдуму стали детонатором для огромного статического напряжения, копившегося в обществе продолжительное время. Заряд сработал, статика перешла в динамику в виде массовых акций протеста.

Сценариев по выходу несколько. Если отбросить фантастические (введение чрезвычайного положения, отмена президентских выборов), то представляется, что диалог — единственный оптимальный вариант, гарантирующий социальное и политическое спокойствие.

Ясно, для диалога нужна добрая воля договаривающихся сторон. Есть ли она у власти? Пока незаметно. Видимо, власть надеется, что ситуация рассосётся. Напрасно. Протест вряд ли рассосётся, скорее всего, будет усиливаться.

Оппозиция, точнее организаторы митингов, также должны понять, что радикализация требований может дать обратный эффект и оттолкнуть умеренных, которых на митинге 24 декабря было подавляющее большинство, смею предположить, более 90 процентов. В этом случае их сползание в маргинализацию неизбежно.

Отсюда ряд выводов. Переговоры должны начаться до конца президентской кампании. Повестка дня переговоров — резолюция митинга от 24 декабря. Состав переговорщиков со стороны оппозиции — люди без личных политических амбиций с авторитетом в международных кругах, что принципиально важно. К ним можно добавить двух организаторов митинга, избранных по результатам голосования в Интернете. Кого люди назовут.

Власть на переговорах должна в обязательном порядке представлять Владимир Путин и Дмитрий Медведев.

Формат переговоров — круглый стол, с прямой трансляцией по федеральным телеканалам.

ВРЕМЯ УПУЩЕНО

Вячеслав ТЕТЁКИН, депутат Госдумы РФ, член фракции КПРФ.

— Я бы немного переименовал заданный «ЛГ» вопрос. Слышны уже не пожелания, а жёсткие требования наладить диалог. При этом должен сказать, что это слово не столь популярно, как ещё 5–7 лет назад. Власть открыто пропустила время. Она последние пятнадцать лет фактически игнорировала мнение общественности. Для одних несогласных были предусмотрены дубинки ОМОН. Для других — различные подкати: финансовые или должностные.

Ещё пару лет назад, как мы помним, нас уверяли, что в обществе воцарилась политическая стабильность. Теперь власть окатили ушатом холодной воды. В нашем понимании речь идёт не об отставке какой-то конкретной личности. Речь идёт о требовании общества сменить экономической и политической курс. Для многих всё очевидно, что этот курс — провальный.

Оппозиционные силы и, прежде всего КПРФ, многие годы пытались достучаться до власти. Мы подвергали конструктивной критике важнейшие аспекты политики, проводимой властью, считая, что они разрушительны для страны. Но власть отмахивалась от наших предложений. И в конце концов сама создала ситуацию, когда фактически все слои общества отвергают её политику.

Диалог с властью возможен, если общество верит в то, что власть способна прислушиваться к его мнению. Сейчас власть делает робкие попытки изобразить стремление к диалогу или на самом деле его налаживает. Но у меня ощущение, что время стремительно уходит. На улицы вышли даже те, кто прежде был в состоянии политической апатии. И это в более-менее благополучной Москве. В регионах, даже, например, в Тюменской области, откуда я избирался, настроения гораздо более решительные.

НЕ ДЕМОНИЗИРОВАТЬ ДРУГ ДРУГА

Отец Андрей КУРАЕВ:

— «Клянёмся, что замышляем просто шалость!» — говорили Гарри Поттер и его друзья, разворачивая волшебную карту...

Так и сторонники акций протеста говорят, что не замышляют революции, а хотят, чтобы их услышали. Та волшебная карта из сказки показывала даже невидимок. Вот и протестующие (полагаю, в своём вменяемом большинстве) не жаждут вернуться в Кремль, а хотят лишь перестать быть гражданскими невидимками и предметом политтехнологических манипуляций.

Пожоже, мы видим проявление политического аскетизма, сдержанности, самоограничения протеста. Вель действия, предпринимаемые под отчаянно красивым лозунгом «Всё или ничего!», как правило, оставляют после себя второе. Особенно у нас.

В сознании советском, а отчасти и византийско-имперском и церковном, есть убеждение, что наши системы: а) монолитны, но б) при этом столь не устойчивы, что подвинь один камушек — обрушится весь дом.

Поэтому установка на то, что, мол, ни пяди земли не отдадим, ни йоты не изменим в нашем законе, уставе, политической системе, и делает и власть, и общество крайне испуганными. И причает мыслить радикально. Либо отрицать всё целиком, либо так же защищать тотально всё своё.

Обе стороны считают себя абсолютно правыми. Власть как бы говорит: не дай бог, если будет убран хотя бы камешек из здания с нашей стороны, рухнет всё и сразу. А для революционеров речь идёт об обновлении сразу всей Вселенной, и тогда средства для достижения целей становятся не так уж и важны.

В обоих лагерях начинается соревнование за звание самого решительного и бескомпромиссного. Однажды такой «конкурс» уже выиграли революционеры-большевики с печальными последствиями. Второй раз выиграла власть (тоже в виде большевиков) и опять же с аналогичными последствиями. Речь о победе суловской версии советской идеологии в политбюро хрущёвско-брежневской поры. Победа вечно испуганного «происками» Запада Сулова над Косыгиным привела к тому, что страна утратила способность к спокойному, эволюционному, органичному развитию.

Хочется пожелать сторонам видеть друг в друге людей, не монополизировать право на абсолютную истину, понимать, что частичная логика и правда есть у каждой стороны и нарочито отказаться от демонизации друг друга.

При этом очевидно, что на власти по определению ответственности больше, чем на её оппонентах. Понятно, что улица может размахивать карикатурными слоганами и петь частушки про власть. Но высшая власть не должна идти таким же путём.

Премьер справедливо обозначил главную политтехнологическую трудность диалога: антипатия протестантов персонализированы (В.В. Путин), но их симпатии дисперсны. Нежелание жить по устоявшимся к сегодняшнему дню правилам выражает множество людей, но при этом у них зачастую разные побудительные мотивы для недовольства. Надо учесть и то, что наши граждане, которые выходили на площади, вообще устали быть объектами манипуляций со стороны лидеров. И в этом смысле они говорят твёрдое «нет» и Суркову, и Навальному.

Такая дезорганизация оппонентов небезопасна. Если диалог вести не с кем — остаётся подавлять протесты силой.

Но пока всё в рамках приличий. Вопросов два. Один — о недавнем прошлом, другой — о скором будущем.

Первый: то, что митинги прошли без столкновений, — это следствие хорошего, демократического, гуманистического воспитания власть имущих или беспокойство людей за судьбу своих детей, особенно тех, кто переехал жить на Запад вместе с банковскими счетами? Если бы не было Госдепа, был бы мир в Москве или нет?

Второй: если площадь не согласится с результатами мартовских выборов, потеряет ли власти «майдан» и созданные им пробки, как они терпели в декабре, или же пойдут на обострение?

Лучше всё же диалог. В конце концов это диалог власти со своей собственной опорой и даже со своим собственным аппаратом. Опора власти сегодня в среднем классе. Обращаться к пролетариату, выталкивая средний класс за границу, — это прощание с надеждами на сохранение страны в списке тех, кто строит историю XXI века.

Поэтому диалог должен состоять не в том, чтобы обаять кого-то при личной беседе в кремлёвском кабинете (как Ельцин Лебеда в 96-м), а в том, чтобы сделать такие шаги, которые были бы восприняты сердитыми горожанами как знак того, что их услышали и сделают практические выводы.

Опрашивал Владимир СУХОМЛИНОВ

ИнтерНЕТ-интерДА

Именно интернет-пространство сегодня стало местом наибольшей политической и социальной активности. Мы будем отслеживать самые любопытные и значимые идеи, формирующиеся там. Однако сразу предупреждаем: на этом пространстве слишком распространены бездоказательность, упоение безнаказанностью, злоупотребление ненормативной лексикой и самое заурядное хамство. Всё это будет подвергаться строгой редактуре. Не будем опускаться.

■ Премьер вручил правительственные премии журналистам. Посмотрите на список награждённых: там полно людей, которые постоянно выражают неприятие нашего государственного лидера. На первый взгляд это кажется странным. Но только на первый. На самом деле посылается отчётливый сигнал либеральным слоям, встревоженным ущемлением их интересов нарастающим экономическим кризисом.

И ведь никто от премии не отказался. То есть сигнал был принят. О чём это говорит?

Будет торг, будут взаимные уступки, кадровые перетряски. Некоторые «бояре» лишатся кресел.

Но это не главное. Главное в том, что власть тащится вслед за событиями подобно незабвенному Горбачёву и сильно рискует опоздать. Явно думает, что сейчас основное — выиграть выборы. Не объясниться с народом, а решить локальную задачу. А ведь и Горбачёв выиграл выборы на последнем съезде КПСС, был переизбран Генеральным секретарём партии, несмотря на попытку его провалить. Потом подписывал отречение.

SRYBAS

■ То, что Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ вынесло негативный вердикт о парламентских выборах в России, было ясно ещё осенью. Выпадет ли снег — ещё в декабре было неясно, а вот по поводу того, что покажет БДИПЧ, двух мнений быть не могло. Даже если бы вдруг всех членов российских избиркомов заменил никто не ошибающийся роботами, уверен, что и тогда БДИПЧ обнаружил бы серьёзные нарушения и предложил бы поменять роботов на американских.

Содержание доклада БДИПЧ о любых российских выборах можно предсказать заранее. Совершенно непонятно, зачем тратить деньги, если реальные события евроцивилизации не интересуют. Они действуют по заранее заданным лекалам, не отступая в сторону ни на сантиметр.

Fedorov-selsky

■ Давно знаю 60-летнюю одинокую бывшую учительницу. Пенсия вся уходит на ЖКХ, бытовые нужды, лекарства и скудную еду, подбираемую не по вкусу и качеству, а по ценам. Страшно недовольна нынешней жизнью, с тоской вспоминает материальное благополучие на свою зарплату заучав средней школы до воцарения Ельцина, а голосовать в марте намерена за Путина. Говорит: «Зюганов начнёт отбирать собственность, а кто её отдаст? Опять такое начнётся, что всё будет ещё хуже». Таких вполне грамотных людей очень много.

Veteran30

■ Почему никто из меняльчиков нынешней власти даже не озвучивает, в каком направлении он бы хотел перемен. Все зовут на митинги, шествия, а требования — «в огороде бузина...»

Лично я требую национализации энергетики, газонепромышленности, производства спирта, земли (с правом аренды), всей промышленности, как-либо связанной с обороной. Это будут перемены!

Всё остальное шелуха. Никакие буржуи вкладываться в экономику государства с рискованным земледелием при таком климате, когда себестоимость продукции всегда выше, чем в других странах, не будут. Аргументы же против национализации у либералов всегда одни и те же: «Проходили — отнять и поделить, работать не хотите, утописты...» Достали!

nikkto59

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1971 1979

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ОАО «Издательский дом «Литературная газета»

Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ

Первый заместитель главного редактора
Леонид Колпаков
Заместитель главного редактора
Валерий Павлов
(представляет в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе)

ОТДЕЛЫ:

«Политика, экономика»
тел. 8-499-788-01-06
шеф-редактор Игорь Серков

«Литература и библиография»
тел. 8-499-788-02-05
ведущий редактор Марина Кудимова;
Игорь Панин

«Искусство», «ТелеЕдени»
тел. 8-499-788-02-12,
8-499-788-00-53
ведущий редактор Александр Кондрашов;
Олег Пуханцев,
Евгений Маликов,
Анна Кузнецова

«Общество»
тел. 8-499-788-02-08
ведущий редактор Людмила Мазурова;
Наталья Гамюнова

«Клуб 12 стульев»
тел. 8-499-788-00-53
администратор Александр Хорт

Обозреватели
Сергей Мнацаканян,
Лев Пирогов,
Дмитрий Кавалки (Санкт-Петербург),
Алесь Кожелуб,
Игорь Гаманов,
Владимир Сухомлинов

Спецпроекты
Анастасия Ермакова,
Ольга Моторина

Собственные корреспонденты
Александр Самойленко (Калуга),
Юрий Беликов (Пермь),
Жан Миндубаев
(Ульяновская область, Татарстан),
Владимир Шемшученко
(Санкт-Петербург),
Сергей Евстратов (Республика Магдова),
Всеволод Марьян (Заволжье),
Ирина Тосунян (США),
Алексей Славин (Германия),
Мария Хамакер (Центральная Европа),
Никита Барашев (Италия),
Светлана Селиванова (Китай)

Отдел оформления
тел. 8-499-788-01-13
бильд-редактор Евгений Федоровский;
художественный редактор Антон Меньшов

Директор по распространению
Валерия Красотова
тел. 8-499-788-01-12

Отдел рекламы
тел. 8-495-688-80-78
Юлия Поскрёбышева

Московский тираж — 61 853 экз.
Федеральный тираж — 35 281 экз.
(печатается в Санкт-Петербурге, Ростовце-на-Дону, Воронеже, Новосибирске и Хабаровске)
Тираж в Крыму — 2500 экз.
Тираж в Европе и США — 6000 экз.
(печатается во Франкфурте-на-Майне)

Тираж в Израиле — 22 000 экз.
Тираж в Великобритании — 9000 экз.
Тираж в Греции — 3000 экз.

Общий тираж 139 634 экз.

Цена договорная

Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.
Номер подписан к печати 17 января 2012 г.
Зак. № 12-01-00131

Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.

Подписные индексы: 50067, 34189, 84874 и 99168 (для предприятий и организаций)

Экспортная подписка — по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»
Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-35721 от 20.03.2000 г.
Материалы рубрики «Точка зрения» публикуются на коммерческой основе.

Адрес редакции:
Хохловский переулок, д. 10, стр. 6
Москва, 109028

Электронный адрес: litgazeta@lgz.ru

Факс: 8-499-788-00-52

Автоинформатор
и соединение с отделами:
8-499-788-02-10

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

НЕРАЗРЕШЁННЫЙ ВОПРОС

«ЛГ», № 39

Муки политкорректности

«ЛГ», № 40

Русский вопрос, о котором наша газета упорно пишет уже несколько лет, в последние годы, кажется, перестаёт быть запретной темой. Во всяком случае, его уже решаются упоминать на самых разных уровнях. Вот только к решению его ни общество, ни власти пока явно не готовы. Попросту не знают, как к нему подступиться. Что ж, мы продолжим свои усилия. И прежде всего для того, чтобы сам русский народ осознал своё положение, свои возможности, свои перспективы.

ПО СОВЕТСКИМ ЛЕКАЛАМ

Мы постепенно привыкаем к торжественному и смешному термину — «политкорректность». Это слово, не переваренное русским языком, звучит ежедневно в связке с другим, не менее загадочным: «толерантность».

Национальный вопрос всегда был пространством конфликта, но в недавнем прошлом наша страна была самой мирной из многонациональных держав. Но вот внятное понятие «дружба народов» сменили на «толерантность» (там же, тогда же убийцы стали называть киллерами) — и нынче даже в некогда спокойных русских городках идут кровавые межэтнические распри. Оказалось, что свобода частной инициативы приводит к варваризации национальных взаимоотношений...

Феномен политкорректности неотделим от сексуальной революции, от эпохи Ин-тернета. Рухнули покровы, оказалось, что у наших домов стеклянные стены. Понадобилась новая система запретов, чтобы наконец-то реализовать старинную утопическую заповедь демократии: «Свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого». Вот и возникли правила политкорректности — запрет на оскорбление по признаку расы, национальности, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации. Политкорректность, возникшая не в последнюю очередь из переосмысления советских традиций, оказалась авторитарным перстом, который спас Соединённые Штаты от вполне реальной смуты.

Поветрие политкорректности неизвестно изменило США. И, хотя можно убедительно и репризно высмеивать перегибы этой идеологии, надо признать: система благонамеренного лицемерия сделала сверхдержаву сильнее, обезопасила её от распада, укрепила международное влияние.

А вот для европейского организма американское лекарство оказалось отравой. По слабее дианистого калия, но позабористее мухоморов. Коренные народы слабеют, а достойного аналога голливудской «американской мечте» у них нет. Нет и патриотического вкуса к экспансии, к победам. Вот и остаётся подражать Голливуду — и погибать в контексте Pax Americana.

В подражании заложена установка на второй сорт — это нужно осознавать и нам. Но мы не принимаем песен о политкорректности не только потому, что они родились вдали от русских осин. Принципиальный изъян этой системы — культ агрессивных меньшинств и компромиссное угнетение большинства. В США и Западной Европе не встретишь тотальной пропаганды того или иного политического режима, зато для пропаганды гомосексуализма открыты все семафоры.

Но куда важнее для России вопрос о других меньшинствах — национальных. Равноправие народов считалось одним из завоеваний Октября. Но равноправие не означает диктат меньшинств! Существовала установка на власть большинства — рабочих и крестьян. В первом — революционном — поколении советских управленцев мы видим шеренги евреев, поляков, грузин, армян, латышей, давших повод к белогвардейской максиме: «Иностранцы продали Россию».

Продали не продали, но многие из них плохо понимали Россию, думали не по-русски, без колебаний сметали русские традиции. Их трудно было воспринимать в качестве представителей народного большинства. В 30-е годы смена караула прошла во всех органах власти, это был жестокий, кровавый процесс, но в результате мы получили подлинную власть большинства. Никогда прежде в истории государства Российского правящая элита не была столь русской и престонодарной по происхождению, как в 1930–1991 гг. При этом действовали не националистические, а куда более

эффективные критерии отбора — социальные, производственные. В номенклатуре — партийной, военной, индустриальной — представители всех народов СССР присутствовали почти пропорционально их доле в населении страны. Заметно заниженным было только представительство народов Средней Азии — думается, их черёд ко времени распада Союза просто ещё не настал.

СОЛЮТСЯ В РУССКОМ МОРЕ...

Многонациональный советский карнавал в реальности не был идиллией в стиле ВДНХ, но вплоть до середины 80-х уважение к соседним (братским!) народам было больше, чем ненависти. И культура межнационального сотрудничества у нас развивалась успешнее, чем на Западе. В самом скверном случае это был худой мир, который лучше хорошей ссоры. Существовали фигуры умолчания, действовал институт прописки и распределения трудовых ресурсов, исключавший наплывы неисчислимых своенравных гостей в Бутово

или Измайлово, в Ярославль или Хабаровск. Оскорбления по национальному признаку пресекались. Но невозможным было и проживание в Москве вне русской культуры. У нас не могло быть «чайна-таунов» и гарлемов.

А потом стало можно враждовать, ненавидеть, мстить. Свобода ненавидеть в сочетании со свободой передвижения — это симфония, от которой зубы болят нещадно. Ограничение свободы почему-то считается кошунственным. «Пусть гибнет мир, но торжествуют гражданские свободы!» — такая схоластика проникла во многие души, овладела умами.

В последние годы перестройки тогдашние демократы сделали ставку на радикальный национализм. Конечно, не на русский. На литовский, эстонский, грузинский, армянский... Демократы пестовали, с ложки кормили маленьких фюреров с Кавказа и из Прибалтики. Пробуждали русофобию, спесь и фанатизм в горячих головах. Страна

Прибавим к этому появлению миллионов таких же кочевых перекати-поле из Средней Азии, Китая и Закавказья — и получаем страну, в которой для любого серьёзного проекта не хватает профессионалов. Немыслимое одиночество для XXI века. Полная свобода перемещения и соответственно свобода деградации трудящихся выгодна только бизнесу временщиков. А тем, у кого нет запасных аэродромов, в пору задуматься о серьёзном ограничении потока мигрантов в Россию и о возвращении к жёсткому трудовому законодательству.

СВОИ И ЧУЖИЕ

Не знаю, как в Соединённых Штатах, а у нас плавильный котёл сломался. Не выдержал напряжения.

Ещё двадцать лет назад в Москве — столице многонационального Советского Союза — практически не было необрусевших жителей. Московские евреи, грузины, армяне, дагестанцы, осетины думали по-русски, учи-

растаём считать порочным индивидуализм и эгоизм. Нарушился баланс — и тут же началось позорное уличное противостояние. В ответ на появление агрессивных диаспор, которые по-хозяйски вёл себя в русских городах, возникли русские группировки диаспорного типа. Подоспели идеологи, которые стремятся превратить русский народ из государственного в мафиозный.

Появилась новая фигура: националист-антипатриот, у которого нет душевной привязанности ни к чему русскому, кроме крови. Да и не кровь им важна, а политическая позиция, собственный «креатив». Никаких сантиментов, главное, чтобы лидеры приумножали влияние, обогащались и защищали «своих» любой ценой. Кистень уличного национализма всегда бьёт по невинным. А лидеры диаспор, как и вожды нацистских группировок, только подчитывают барыши, когда получают известия об убийстве очередного своего сорочника.

Русский народ, непобедимый в войнах, обречён на поражение в конкуренции мафии. Мы в этом убедились в первые же месяцы «шоковой терапии». Государственничество народа — это не рабская психология, а психология хозяев, крепко стоящих на своей земле, а не рассеянных по диаспорам.

Есть и другая беда: обогащение национальных республик, по существу, за счёт Сибири и Севера. А в южных национальных республиках нетитульным нациям (вроде русских!) ох как неуютно живётся...

Раздражение незрело: русский народ не желает быть донором, дойной коровой. Борется с несправедливостью «снизу», методами судов, пикетов и мордобоя, бессмысленно: так мы получим только усугубление деградации. Реалистичная политика должна исходить из Кремля. Нужен скупный бюджетный закон, запрещающий неравномерное распределение средств на душу населения, на квадратный километр. В то же время новый институт прописки должен исключить появление в городах России граждан других государств, не желающих принимать местные правила. Вряд ли России нужны мигранты, которые думают не по-русски.

Эти меры я назвал бы антифашистскими и антимафиозными, потому что иначе мы получим войну, в которой победителем не будет. По мне, лучше диктат плохого государства, чем всеилые хорошей мафии. Ни диаспоры, ни нацисты, ни гарлемы России не нужны. Если институт прописки остановит девятый вал миграции — может быть, снова заработает прохудившийся плавильный котёл?

Пока мы не учились по лекалам иноземной политкорректности, пока были сильными — никакого расизма у нас не было. Так что не поможет нам американская пилюля, у нас иная история, другие мышцы развиты, другие органы требуют лечения... Вот как стали внедрять у нас американскую терпимость — немедленно возникли и расовые стычки, и убийства.

Принципы, которые навязывают извне огнём, мечом и директивами международных организаций, в России не работают.

Но политкорректность необходима и нам, ведь её изначальный смысл — охранительный. Система запретов полезна, когда она отвечает интересам большинства, ведь известно, что семеро одного не ждут. Это не означает агрессии по отношению к меньшинствам, но пора бы договориться, что недопустимо тиражировать всё то, что оскорбительно для большинства.

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ

ПЛАНЕТАРИЙ

Они виновны!

Оказавшись на Западе, непременно обращаешь внимание на всеобщий стон печалующихся по поводу усиления «финансового кризиса». В газете «Монд», в рекламном листке, по телевизору — везде одно и то же: «Растёт безработица», «Кризис возвращается», «В Британии зарегистрировано наибольшее число безработных за 17 лет», «Доходы предприятий падают», «В Испании безработных 21,5% от всего активного населения»...

«Монд» пишет об «эксцессах капитализма», цитируя главу Европейской комиссии Баррозу, который вынужден был заявить, что финансовый сектор «должен осознавать необходимость соблюдать хоть минимум этических правил». Ему вторит Трише, бывший глава Европейского центрбанка: «Это протест против сверхприбылей финансового сектора, которые неприемлемы для наших демократий. Финансовый сектор должен изменить свои ценности». За океаном президент Обама обвинил своих политических противников в защите банкиров с Уолл-стрит.

Очевидно, что пока всё это больше слова для успокоения общественного мнения. Вновь, как и несколько лет назад, властвующие планируют прямую накачку проблемных банков деньгами за счёт налогоплательщиков.

Именно это действие подразумевает повсеместно звучащие сегодня заявления о необходимости «рекапитализации банков». Понятно, что усмирение хищничества финансистов и дармовое их кредитование — суть взаимно противоположные линии действия, стремление усидеть на двух стульях, что невозможно. Неслучайно демонстранты Брюсселя скандировали в адрес банкиров: «Они виновны!» Толпа тогда буквально осадила франко-бельгийский банк Dexia, который собираются спасти от банкротства французское и бельгийское правительства.

На Западе, к которому в 90-е годы односторонне прилепился и Россия, применяются те механизмы решения финансовых проблем, которые естественны для его цивилизации. Для неё деньги превратились из средства, служащего целям жизни, в самоцель. Это новый феодализм, оплотами его стали автономные банки-замки, хозяева которых взимают с общества гигантскую статусную ренту.

Размеры этой дани и не снились прежним сеньорам или помещикам, которые всё-таки были вместе со своими народами, проливая кровь и за французского «христианнейшего короля», и за Святую Русь. Новые же «скупые рыцари» свою кровь не льют, предпочитая нечто проти-

воположное в отношении собственников граждан. Отдельные исключения с допускавшими банкротствами банков лишь подтверждают общее, пока всеобщее патологическое правило современности: «Кто не работает, тот ест».

Народ Франции и других западных стран беспокоит рост безработицы, налогов и цен, прежде всего на транспорт и другие услуги. Хотя продовольствие не дорожает такими ужасающими темпами, как в России, поскольку здесь оно и производится. Даже в спокойных городах, как, например, тот областной центр на юге Франции, в котором я находился в командировке, ощущается повышенная нервность, связанная с неуверенностью в завтрашнем дне.

И тем не менее среди французского много недовольных. Многие выступают против бесперспективной, по их мнению, помощи странам-должникам. Растёт популярность правых. Правые критикуют социалистов за фактическую, с их точки зрения, поддержку «гибельного» глобализма и выступают под лозунгами прекращения деиндустриализации Франции, за развитие национальной экономики, за борьбу с нелегальной эмиграцией.

Какие уроки можно извлечь из увиденного здесь? Россия, несомненно, потенциально наи-

более счастливая страна в мире. Нам никакие финансовые и иные кризисы не страшны, если мы начнём с любовью и заботой относиться к собственной Русской земле, которая пока зарастает бурьяном. Проблема особенно остро ощущается здесь, на тесном многолюдном Западе, где каждый клочок земли на вес золота.

Нам позарез нужен большой проект столыпинского типа, о котором давно уже сказал наш великий современный Союзник. Народ надо снова вернуть на его землю, а то мы её лишимся. Свято место пусто не бывает. Верно сказал мудрец: «Народы рождаются в деревнях, а умирают в городах». Смерть России мы обязаны предотвратить. Она не за горами, если не примем теперь уже драконовских, но одновременно и созидательных мер.

Правителям следует понять, что без очищения правящего класса и возвращения его в лоно народа они погубят Россию. Но опять-таки очищать его нужно во имя благородных целей. Без честной постановки масштабных задач, какие умела решать Россия, будет сплошной симулякр, дальнейшее загнивание и проедание прошлого наследия.

Владимир ШУЛЬГИН, Монпелье, Франция

КНИЖНЫЙ РЯД

Общество и мнения

Мы часто повторяем фразу «общество в нас» — но редко задумываемся над смыслом этих слов. Является ли партийный лидер, который высказывает личные суждения по тому или иному политическому вопросу, выразителем общественного мнения? Вы ответили «является»? «Далеко не всегда», — возразит профессиональные социологи. Высказывания лидера партии крайне редко отражают без искажений даже позицию возглавляемой им партии. Другое дело, если лидер зачитывает с трибуны некие тезисы, в составлении и утверждении которых принимало участие множество партийцев. В этом случае мнение партии как общественной группы оказывается учтённым.

Такие нюансы хорошо известны в кругу специалистов-социологов и почти не известны простому российскому гражданину. Вот почему ВЦИОМ решил выпустить книгу «Мнения о мире и мирных» — классический труд Бориса Грушина, одного из отцов-основате-

Грушин Б. А. Мнения о мире и мирных. — М.: Праксис, ВЦИОМ, 2011. — 543 с. — 2000 экз.

лей российской социологической науки.

Глас народа или результаты всенародного голосования — вот ярко выраженное общественное мнение. Общественным мнением также можно назвать результаты масштабных опросов, проводимых по многим городам и весям, причём группа опрашиваемых должна насчитывать не менее 1000 человек и по своей структуре повторять структуру общества в целом. Общественным мнением можно считать коллективные заявления крупных партий или организаций, но эти заявления не надо путать с заявлениями политиков, общественных деятелей или результа-

ми выборочных опросов, в которых приняла участие пара сотен случайных прохожих с одной улицы. Кстати, правильная интерпретация выборочных опросов в российских СМИ встречается крайне редко.

В этой связи Борис Грушин замечает, что при проведении исследований самым ценным результатом оказываются не цифры, а мнения — развёрнутые ответы респондентов.

Вот о таких нюансах можно узнать из рассматриваемой нами книги... В этом объёме много классического труда есть много такого, о чём современные книжки по социологии упоминают вскользь. Например, читателю будет полезно вспомнить, что в понятие «уровень жизни» входит не только уровень дохода граждан, но и количество свободного времени. Особенно полезно будет вспомнить об этом современному российскому парламентариям, которые привязывают уровень жизни к стоимости потребительской корзины.

Светлана ЛЫЖИНА

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

«Русская литературная среда – это мощная клановая система»

Валерий Былинский убежден, что сейчас всё решают личные связи

— Ваш роман «Адаптация» наделал немало шума. Вот критик Вадим Левенталь написал даже, что вас «насаждают», как картошку...

— Да, было забавно читать про это. Откуда взялись такие страхи? Надо же, одна-единственная статья Льва Пирогова о романе «Адаптация» в главных СМИ — и такой переполох! Особенно меня удивили рассуждения Левенталь о том, что в романе всё вранье, что, к примеру, «в четырнадцать лет нормально развивающийся интеллигентный мальчик обнаруживает, что Бога можно определить как угодно, так что пора с этим завязывать и перейти к чему-нибудь поинтереснее». Простите, я никого не заставлял насильно одолевать шестьдесят страниц книги. Обычно то, что не нравится, читают только тогда, когда страшно на что-то разозлились.

— В романе поднимаются вечные вопросы бытия, существования Бога, поиска смысла жизни. Может быть, именно это смущало критиков? Ведь современная литература ставит перед собой более «актуальные» задачи, например, описывает мятарства гастарбайтеров, истории успеха бизнесменов, рефлексии сентиментальных гопников. Ваше произведение выглядит явно архаичным...

— Да, вопросы, которые называются главными, не принято сегодня обсуждать и задавать в лоб, а если и принято, то обязательно в какой-то прагматичной, ироничной манере. Или под дозой галлюциногенов, как у Пелевина. А вот так просто, в здравом разумии — нет, конечно. И, безусловно, это может вызвать если не раздражение, то брезгливое недоумение: что ещё за пафосность совковая — говорить о смысле жизни? Ну ещё и корпоративная солидарность имеет место. Любопытно, что уважаемый мной критик Виктор Топоров, сначала довольно благодушно отнёсшийся к моей книге в статье «Племянники Пелевина», позже, подверживая своего коллегу Левенталь, написал в ЖЖ, что роман хоть и нормальный, но скучный. А ещё позднее выразился примерно в том ключе, что «Адаптация»

«ЛП»-ДОСЬЕ

Былинский Валерий Игоревич родился в 1965 году в Днепрпетровске. Учился в днепрпетровском художественном училище, в Литературном институте в Москве. Публиковался в «Литературной газете», журнале «Литературная учёба», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов» и др. В 1997 году за роман «Июльское утро» был отмечен премией «Новое имя в литературе» в рамках российско-итальянской премии «Москва-Пенне». Весной 2011 года в издательстве АСТ выпустил роман «Адаптация». Живёт в Санкт-Петербурге, работает журналистом и сценаристом.

— скучнейшая соковыжималка, которая годится разве что для того, чтобы издать и подарить друзьям.

— А идеологические пристрастия критиков насколько серьёзную роль играют?

— Одному известному критику, которому я послал «Адаптацию», роман понравился. Но позже, когда я попросил его написать рецензию, он выразился весьма конкретно: мол, вся литература, хоть немного связана с именем Льва Пирогова (номинарировавшего роман на «Набеста») и теми слоями общества, которые он представляет, для него под запретом. И что бы в такой литературе ему ни понравилось — писать он об этом не будет. Так что идеологические пристрастия, как говаривал когда-то Черчилль, по-прежнему правят миром, в том числе и литературой.

— А что за история была с непониманием «Адаптации» в шорт-лист «Набеста»? Я слышал, что некоторые члены жюри поставили роману наивысшую оценку и тем не менее...

— История странная, но, на мой взгляд, объяснимая. Я думаю, большинство членов жюри голосует не за то, что нравится, а за то, что им выгодно. Выгодно не в плане денег, конечно, — литература ведь не нефть, на ней не зажируешь, — а в том смысле, что кто-то из издателей, возможно, продвигает своих претендентов и не гнушается что-то обещать членам жюри, многим из которых тоже надо печататься и издавать свои книги. А издаваться без знакомств в России

почти невозможно, если у тебя нет громкого имени. Ведь и я свою книгу выпустил только благодаря случаю, просто повезло. До этого я обращался к многим критикам, давал читать «Адаптацию» всем, кто раньше печатал мою прозу в журналах, в ответ — вежливое молчание. Некоторые даже на телефонные звонки переставали отвечать.

— Ну, то есть хотите сказать, разговоры о кумовстве в жюри крупных премий — это не досужие вымыслы неудачников?

— Одна моя приятельница говорила с членом жюри прошедшего «Набеста» (он оказался её одноклассником), и тот сказал: «Ты что, какая справедливость? Мы заранее выбираем того, кого продвигаем,

остальных просто не читаем или в лучшем случае заглядываем в книгу. Если побеждает тот, кого мы продвигали, он делится с нами деньгами, и мы отмечаем это дело в ресторане». Наверное, не все такие, не могу утверждать на 100%. Но факт есть факт: роману «Адаптация» два члена жюри, Елена Колядина и Александр Снегирёв, поставили в своих рецензиях наивысшие оценки, что было достаточно для прохождения в шорт-лист. Но потом они почему-то проголосовали за другие произведения. Кстати, эти «набестовские» рецензии находятся в прямом доступе в Интернете, их можно почитать.

— А другие премии?

— Другие пока ждут не дожидаясь, когда я предложу на их высочайшее соискание свой роман. «Букер» в этом году отменили. На «Ясную поляну», как подсажали знающие люди, роман с такой темой, как в «Адаптации», не стоит и пробовать выдвигать. Приём текстов в «Большую книгу» начнётся уже скоро. Посмотрим, внесут ли роман в длинный список, если я попробую номинировать себя сам. Кстати, в либеральный «НОС», премию, которую, как известно, спонсирует Михаил Прохоров, — я честно пытался прокнинуть, но главред журнала, с которым я договаривался о выдвижении «Адаптации»,

Три обязательных вопроса:

— В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измелялся. А что можно сказать о нынешнем времени?

— Сегодня, я думаю, измеляло время и писатель вместе с ним. Время, социум не ставят перед человеком главных вопросов: кто он, откуда пришёл, куда идёт, в чём смысл его жизни? Не ставит, словно ответы на эти вопросы уже ясны. И соответственно труд писателя оплачивается копейно. Чтобы достойно зарабатывать, ему нужно не один сильный роман писать раз в несколько лет, а печь свои произведения как пирожки, словно серии в киносериале. Разумеется, настоящей глубины в таких романах не получится. Чтобы написать что-то стоящее, надо всего себя вложить в книгу, весь мир туда вместишь, умирать и воскресать вместе со своими героями.

— Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию

«литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

— Я думаю, что в идеале писательство — не профессия, а попытка понять и описать мир. Книга — не продукт, это человеческий поступок. Литература без читателя может быть. Потому что по большому счёту настоящие поступки совершаются не только ради людей, а прежде всего ради Бога.

— На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его не задаю?

— Зачем вы вообще пишете? Я боюсь этого вопроса. Потому что не знаю, что на него ответить. Может, писать мне вообще и не надо. Что я изменил своими книгами, сделал ли кому-нибудь лучше, стало ли кому-нибудь легче? Иногда мне кажется, что что-то получилось. Иногда — что лучше бы я занялся подводными исследованиями, как хотел в детстве, изучал бы животных, всё больше хорошего было бы...

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ — 90

Что происходит на свете?

Юрий Левитанский был совершенно не похож на свои стихи. Глядя на него, трудно было поверить, что перед тобой автор «Кинематографа», «Дня такого-то», «Прогулок с Фаустом», поэт, обладающий таким мощным и длинным дыханием, какого, кажется, не бывает вовсе. Перед русской поэзией XX века у Левитанского есть две бесспорные заслуги: во-первых, он реанимировал глагол, а во-вторых, доказал, что строка может длиться целую вечность, не теряя при этом своей естественности, органичности. После Пушкина никто, кажется, так не любил глаголы, никто их так изысканно не рифмовал.

Незачем до его смерти мы столкнулись у выхода из метро «Бабушкинская», где он жил в последние годы (а мне посчастливилось быть ему почти что соседом). И я в очередной раз подивился несоответствию его внешнего облика и внутреннего мира. Кажется, он возвращался с занятий в Литературном институте, где вёл семинар. Возвращался тяжело, обессиленно, отдыхал чуть не на каждой ступеньке. У него была одышка. Именно у него — у поэта, обладавшего, казалось, нескончаемым запасом воздуха, таким длинным дыханием, что короткие строки ему были совершенно не в пору.

Конечно, Левитанского постоянно пытались втиснуть в какие-нибудь рамки. Для начала — в плеяду поэтов-фронтовиков. Да, он был на войне, он лежал на подмосковном снегу сорок первого года вторым номером пулемётного расчёта рядом со своим другом — поэтом Семёном Гудзенко. Да, он дошёл фронтными дорогами до Будапешта, а после ещё и угодил на войну с Японией. Но на том его общность с фронтовой плеядой и закончилась. Ведь Левитанский — поздний поэт. По-настоящему, на мой взгляд, как поэт он родился только в «Кинематографе» — в 1970 году, уже сорокавосемилетним. А в 54 года книгой «День такой-то» это рождение узаконил. И если и писал о войне, то совершенно с другой высоты — с высоты более позднего духовного опыта:

Ну, что с того, что я там был.
Я был давно. Я всё забыл.

И там же:

Я рядовой. Я имярек.
Я меткой пули не доблёт,
Я лёд кровавый в январе.

Я прочно впаян в этот лёд —
я в нём, как мушка в янтаре.

Это строки поэта, который продолжал жить и писать, понимая, что давно уже мог бы не жить и не писать.

Зато Левитанский имеет прямое отношение к январю. Дело даже не в том, что он и родился в январе и умер в этом же месяце, чуть-чуть недотянув до дня рождения. Просто наш январь со всеми его праздниками и каникулами для такого взрослого ребёнка, каким был Левитанский, не мог не быть месяцем особым. Вот он и впился в него по своему, на долгие годы вперёд. И в русской жизни появилось несколько поэтических строк, неизменно сопутствующих нашему Новому году и январю. Без них и Новый год какой-то пресный, и январь теряет половину своей прелести:

— Что происходит на свете? — А просто зима.
— Просто зима, полагаете вы? — Полагаю.
Я вею и сам, как умно, следы пролагаю
в веди услышние раниею порою дома.

Как это часто случается с истинными художниками, именно неисправимый (особенно в последние годы) пессимист Левитанский сумел внушить хотя бы краткий новогодний оптимизм уже нескольким поколениям.

Особенно сегодня подкупают, что он заставляет танцевать карнавальные маски («и карнавальные маски — по кругу, по кругу!»). Для него это отдельная, серьёзная тема. В последние годы жизни Левитанский не уставал удивляться, негодовать, мучиться вопиющим несоответствием между реальным значением многих и многих людей, с одной стороны, и их масками (как теперь говорят, имиджем) — с другой. Вместо коммуниста — имидж коммуниста, вместо демократа — имидж демократа, вместо поэта — образ поэта, а вместо страны все девятые годы у нас была маска, фантом страны, а то и просто — оскал.

У Левитанского же — всё живое, всё всерьёз. И ёлки, и Новый год, и карнавалы. Всё говорит о жизни, всё тянется к её продолжению. На примере его стихов очень легко понять, что мы потеряли и что продолжаем терять ежeminутно — непосредственность, одухотворённость, живые человеческие отношения, живое восприятие действительности, а следовательно, самоё

жизнь. И даже смерть. Потому что мёртвое даже умереть не может.

Левитанский сумел вписаться в нашу общую ёлку жизни не то чтобы Дедом Морозом, не то чтобы звездой на ёлочной макушке, но — тонким стеклянным шаром, фонариком, матовым долгоиграющим диском, чуть припрятанным, как за облаками, за ключьями снежной ваты:

Был воздух морозный упруг.
Тянуло предупредением холодом.
Луна восходила над городом,
как долгоиграющий круг.

Так и он восходит каждый Новый год — спокойно, ненавязчиво, «матово», чтобы в очередной раз спросить: «Что происходит на свете?»

Когда Левитанского хоронили, несмотря на завывающую метель, на лютый мороз, на скорбные лица и речи, этому траурному действу не хватало, как мне казалось, какой-то всамделишности, какой-то последней, окончательной правды. Потому что в свои 74 года он не был настоящим стариком. А иногда казалось, что и просто взрослому человеку не был. Этаким мудрым мальчишкой, познавший неведомое другим, усвоивший какие-то правила, но часто абсолютно беспомощный в элементарных житейских проблемах, с которыми запросто справляется школьник. У него было только один опыт — духовный. Не покидало ощущение, что ему всё время хочется к кому-нибудь прислониться, чтобы в этой странной для него и даже подчас пугающей обыденности найти поддержку и опору. И потому в числе немногих его строк, внешне на него похожих, эти:

Хочу опять туда, в года неведенья,
где так малы и так наивны сведенья
о небе, о земле...

Он и впрямь был ребёнком. Иногда смешным, иногда капризным. В начале девяностых жил Юрий Давыдович скромно. Даже очень скромно. И у него была любимая песня-жалоба: совсем нет денег, даже яблочек дочкам не на что купить. И распевал он эту песню на все лады в телефонных разговорах с друзьями. Или с теми, кто только казался друзьями. В 1995 году ему присудили Государственную премию. И когда в очередной раз он спел свою песню по телефону одному очень известному писателю, к тому време-

ни премию ещё не получившему (позже этот писатель получил все возможные премии), в ответ услышал хамскую отповедь. Дескать, премию получил, а всё жалуетесь. Это был страшный удар. Песню уничтожили.

В ноябре 1995-го мы дней десять жили в Бат-Яме, на берегу моря. Отправляемся гулять. Левитанский бредёт и всё время огибается по сторонам. Потом начинает капризничать:

— Вам хорошо, вы молодой.
— Ну и что?
— А то, что кругом девушки красивые.
Приходим на берег, чаюю его в кафе у самой воды, покупаю чаю, соку, а сам, естественно, прыгаю в море. Возвращаюсь — на лице его почти смертельная обида:
— Вам хорошо, вы молодой, вы купаетесь в море. А мне уже не разрешают.
Ближе к обеду приезжает машина, и нас увозит на совместное интервью домой к симпатичной журналистке Полине. Сидим, вежливо отвечаем на вопросы, пикируемся, как всегда. Но стоило интервьюерше на пару минут выйти, как началось:

— Им хорошо, — завёл свою пластинку Левитанский, — они все обедают, а мы остаемся голодными. Вы знаете, который час? Вот то-то же. Все обедают, а мы только разговариваем.

Когда журналистка вернулась, я уличил момент сообщить, что своим творческим кредо считаю непреложное убеждение в

том, что поэта должны кормить, поскольку он один мучается за всё человечество. Интервьюерша тут же нас покинула, а минут через десять стол уже был накрыт. Довольный Левитанский, умяная пельменем, заговорщицки подмигивал и, положе, теперь готов был продолжать беседу до бесконечности. А через неделю после нашего отъезда в газете появились наши солнечные фотозонии и обширное интервью под довольно неожиданным заголовком «Поэта должны кормить...».

Кажется, Левитанский его не успел прочесть, потому что через пару месяцев умер. В январе.

По дороге на работу я частенько забегал к нему домой, чтобы перекинуться парой слов и занести последний номер «Литературки», в редакции которой я тогда служил. Газету он внимательно прочитывал от корки до корки. А в следующий мой визит устривал форменный разнос за всё, что было или не было в ней напечатано:

— Нужно лучше думать и тщательнее отбирать материал, — наседали на меня Левитанский.

Я ещё не знал тогда, что именно мне придётся готовить материал о его смерти. Помню, собрался солидные литераторы и утверждали, что Левитанскому достаточно уделить маленький уголок на третьей полосе. Потому что в те же дни умер Иосиф Бродский, нобелевский лауреат, и рядом с ним нельзя называть Левитанского ни великим, ни знаменитым, ни просто большим поэтом. Мне удалось тогда вырвать полполосы, поссорившись со многими из присутствующих на многие годы. Я собрал материал, а в голове вертелось:

...всё просторней, всё глуше в осеннем лесу —
музыканты уходят —
скоро скрипка последняя смолкнет —
в руке скрипача —
и последняя флейта замрёт в тишине —
музыканты уходят —
скоро-скоро последняя в нашем оркестре
погаснет свеча...

Уже после смерти его попытались втиснуть в какой-то строй, поставить по ранжиру, по росту в некую шеренгу поэтов. Воспользовавшись тем, что умер он прямо в каком-то собрании, протестовавшем против чеченской кампании, объявили его чуть ли не пламенным трибуном и жертвой этой самой войны. А на самом деле он был просто поэт. Просто поэт, каких мало. И этого вполне достаточно. Выше звания не бывает.

Ефим БЕРШИН

Беседу вёл Игорь ПАНИН

ПЯТИКНИЖИЕ

Леонид Бежин. Собиранье странностей. — М.: Книжный клуб 36, 6, 2011. — 416 с. — 1000 экз.

Родиться и вырасти в Москве — всё равно что в Зазеркалье. «Собиранье странностей» Бежина — это, как сказано в книге, коллекционер странностей человека; но на деле он, скорее, нежный и преданный собиратель трепещущих на ветру листов московской ностальгии. Мир отошедших, дымчато-хрустальный, застывший в морозных переулках, осенних парках, летних дачах. В них одинаково растаяли композитор Скрябин и мальчик из английской спецшколы, что у ВДНХ. Растворились в старой Москве, которой сейчас уже не увидишь, нет её, но Бежин закликает, поёт, зовёт на её языке, который не только внятен нам, но и пробуждает сочувственную тоску. Ведь и у тех, кто не рос в Зазеркалье, найдётся в памяти уголок, который, кажется, теплится только в нас одних, но чудесным образом оживает, соприкасаясь с чужой ностальгией. Хотя для читателя Бежина уже не чужой, а нашей, как его речь — плавная, ясная, ёмкая. Хорошая русская речь.

Леонид Завальнюк. Осень в Благовещенске. — М.: Новости, 2011. — 128 с.: ил. — 500 экз.

Живопись в технике монотипии — это отпечаток от картины, нарисованной на твёрдой поверхности. Слово леяные узоры расцветают на ней, словно кустарниковая поросль слетается в дебри или грозное небо переливается багрянец в серой толще. Скончавшийся год назад Леонид Завальнюк был не только поэт, но и художник, и книга, вышедшая после его смерти, — синтез живописи и словесно-ритмической музыки, простой, настроенчески-внятной, но размытой, приглушающей к домыванию, самостоятельному наполнению значением. «В каком-то возрасте мы все теряем стиль», — замечает Завальнюк, разумный выход за пределы стиля туда, где переживание говорит с душой напрямую, как и в детстве, не нуждаясь в кодовом посреднике. Эта вселенная — не дом для одного, населена людскими душами, способными к сопричастности, и, если удастся оно, значит, поэт скажет: «Как хорошо, я снова жив», — и будет прав.

«Ума палата»: детский фразеологический словарь / Е.И. Роголёва, Т.Г. Никитина. — М.: ИД Мещерякова, 2012. — 320 с.: ил. — 3000 экз.

Чем новый детский фразеологический словарь отличается от прежних? Положим, он предназначен для «любопытного фразеолога». Но и раньше детские словари не ограничивались сухой справкой, а предлагали познакомиться с историей возникновения устойчивого сочетания. Однако Роголёвой и Никитиной мало было раскрыть этимологию и научить детей понимать фразеологизмы — они задалась целью включить россыпь ёмких образных выражений в активный детский лексикон. Поэтому авторы рассказывают, как научиться дома варить тот самый кисель, за которым не стоит ездить семь вёрст; предлагают развить в себе актёрские способности, изобразив барана, увидевшего новые ворота; помогают экспериментальным путём установить, почему иногда получается выйти сухим из воды; придумывают весёлые гимнастические упражнения и попутно ещё успевают рассказать о музеях русской старины и играх, которыми забавлялись папы и мамы, бабушки и дедушки нынешних любознательных.

Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 480 с. — 500 экз.

Сборник статей известных литературоведов, социологов, философов посвящён феномену культовой литературы. Культ — понятие не научное, неточное, но довольно чётко осознаваемое; авторы сборника понимают под культом в первую очередь эмоциональное отношение к тексту и влияние текста на социум. Таким образом, культурная литература — явление в меньшей степени филологическое, в большей — социальное, творят культ сами читатели. Как и почему они это делают, что с ними при этом происходит, какова жизнь текста в разных социумах, эпохах и на разных языках — вот предмет исследования учёных. Материалом для изучения послужили охватившая Европу «Вертерова горячка» и феномен французского переложения Достоевского, которое дало пищу для рассуждений о «загадочной русской душе»; мифы, выросшие вокруг фигуры Элгара Аллана По и Пауло Коэльо, отчасти подпитанные ими самими; «культ» Джона Донна спустя века после его смерти, а также многие другие ярчайшие литературные явления.

Бурлюк Д.Д. Письма из коллекции С. Денисова. — Тамбов, 2011. — 728 с. — 1000 экз.

Тамбовский коллекционер Николай Алексеевич Никифоров вёл переписку с «отцом русского футуризма», проживавшим в США поэтом и художником Давидом Бурлюком, с 1956 по 1967 год, до самой смерти адресата. С годами переписка стала еженедельной; коллекционер не только рассказывал Бурлюку о Тамбове (поэт там учился в гимназии и с теплотой вспоминал родной город), но и посылал ему советские газеты, журналы, был для него главным источником информации о жизни в СССР. В свою очередь, Бурлюк направлял ему свои картины, некоторые части архива. Их отношения вышли далеко за пределы знакомства и даже дружбы по переписке: Бурлюк и его жена просили Никифорова называть их Па и Ма, «как приятели в Америке», а Николай Алексеевич считал себя «духовным сыном» Давида Давидовича. Письма публикуются впервые на средства коллекционера Денисова, выкупившего архив Никифорова.

ЗОЛОТО РЕЙНА

Единственная душа

Вот стихотворение — всего две строфы:

*Когда душа единственная в мире
Глядится в отражение своё,
Всегда один соблазн в пустой квартире —
Как в зеркало, войти в небитый.*

Скорей увидит близнец, с которым
Расстался мы на столько долгих лет...
Моя душа зеркальным коридором
К нему пойдёт на слишком яркий свет.

Оно кажется мне замечательным и современным. Почему же? Прежде всего оно чисто, безукоризненно написано. Но этого мало. Впечатляет многослойность его мысли. Возможно её сформулировать? В том-то и дело, что до конца нельзя. Это мысль поэтическая, а не буквальная. Она уходит в сферу несказанности, она смыкается с музыкой стихотворения. И это одна из примет поэзии Михаила Синельникова. Прежде всего он большой мастер. Зрение его точно и изысканно, просодия глубока и полноразвита. Что до тематики — то какая может быть тематика у природолюбивого лирика? Это жизнь поэта, его корни, его время.

Синельников вырос в Средней Азии и со временем расширил свой азиатский ареал. Он много путешествовал. Иран, Индия, Цейлон, Вьетнам и снова, снова Средняя Азия. Об этом и стихи. Но и стихи о России, об отце-ленинградце, о матери — приволжской крестьянке. В этой книжке собраны стихи за 40 лет. Конечно, они не равнозначны. Но поэта следует судить по его удачам.

А в книге много удач. Это и «Корабли», и «Детство», и замечательное стихотворение «Вода», и «Лермонтов», «Анна Кукушкина», «Карма», «Восточная Москва», «Холодное царство Плутона», «Казанский вокзал», «Радостным обаяньем...», сонет «Скорпион», «Кружева», «Тибет», «Товарная станция», «Что ты знаешь, душа покинула...».

Слабее мне кажутся стихи, где поэт ограничивается только наблюдением, всемерно полагаясь на своё исключительное зрение. Этого всё-таки мало. И это уже отработано акмеистами. К слову сказать, Синельников и является таким поздним акмеистом — недаром он учился стиху у Михаила Зенкевича.

В этих неудачных, на мой взгляд, стихах поэтом руководит простая верзилчатость. Они очень проигрывают на фоне лучших стихов Синельникова. Я имею в виду такие стихи, как «Гор абиссинских сумрак синий...» или «Трофейная живопись».

Лирический напор — вот чего иногда не хватает Синельникову. Но в удачах этот необходимый признак сильной поэзии, безусловно, присутствует. Вот как кончается стихотворение «Кружева»:

*Чтобы нестает влетало
В ключья своей черноты
Звёзды её покрывала,
Снежные розы, кресты.
Чтобы, как русская проза,
В стихотворенье вошли
Эти узоры мороза
С косяками мёрзлой земли.*

Замечательно! В книге ровно сто стихотворений. Подавляющее большинство — стихи сильные, умные, точные, яркие. И ещё заметно, как мучал талант Синельникова год от года. Эта книга — один из лучших образцов современной русской поэзии.

Михаил Синельников. Стихотворения. — М.: Прогресс-Плеяда, 2011. — 140 с. — 200 экз.

КНИЖНЫЙ РЯД

Неповторимые и незабываемые

Трубадуры советских времён

Есть, на мой взгляд, два типа мемуаров. Первый — когда главным героем становится «я» автора, и в этом случае судьбы других персонажей воспринимаются только через призму этого «я». Второй — когда главные герои — люди, о которых повествуется, а авторское «я» является действующим лицом ровно настолько, насколько может быть таковым видеокамера. В первом случае восприятие будет, несомненно, более субъективным, во втором — более объективным.

У Сергея Мнацаканяна получилось нечто третье — обаятельное и живое, увлекательно субъективное и панорамно объективное повествование о поэтах и прозаиках бурной московской литературной жизни 60–90-х годов. «Не получилось романа, как ты его ни прочти... / Вышла сердечная рана с язвой до самой кости...» Это начало одного из стихотворений последнего раздела книги «Дагерротипы». Строки, которые можно было бы поставить эпиграфом к «Ретроману». И совсем не потому, что не получилось романа. Роман-то как раз получился — ностальгический и шемшицкий, а потому — что «вышла сердечная рана», обнажилась память, которой нестерпимо «жалко, что ещё одна дверь захлопнулась без возврата».

Снежностью и благодарностью вспоминает Сергей Мнацаканян о людях, с которыми пощастило встретиться, об известных до сих пор и ныне забытых, о тех, с которыми многие годы дружил, и о тех, с кем свела судьба лишь мимолетом. И есть в таком подходе особое благородство памя-

ти: можно было бы забыть о них, не писать вовсе, ведь никто не неволит.

Никто, кроме совести, кроме чувства равенства всех перед грядущей смертью, кроме честного отношения к общему прошлому. «Временами я, непонятно почему, вспоминаю этих людей, и тогда мне мерещится, как жалостливо и пронзительно улыбается лазерный зэк Анатолий Жуглин, причитает своё стихотворение Николай Тряпкин и спасается от марсианских шпионов Толя Чиков — русские поэты советских времён».

Каждый портрет, который пишет Мнацаканян, достоверен, сработан точными, художественно убедительными штрихами, к каждому, как единственный ключ к замку, подобран особый ракурс, своя интонация. Перед читателем проходит целая галерея лиц, написанных настоящим мастером, сумевшим угадать в своём персонаже характер и судьбу: Павел Антокольский, Пётр Вегин, Анатолий Рыбак, Борис Слуцкий, Владимир Соколов, Андрей Вознесенский, Римма Казакова, Николай Дмитриев, Алексей Парщиков, Александр Ткаченко, Владимир Шлёнский, Марк Соколов, Натан Злотников, Леонид Мартынов, Инна Кашежева, Владимир Цыбин, Арсений Тарковский, Михаил Дудин, Александр Межиров, Олег Дмитриев, Рюрик Инев, Роберт Рождественский, Юрий Трифонов... И многие, многие другие.

«Всё, что мне вспомнилось, происходило уже в несуществующей стране», — с грустью констатирует Мнацаканян. «Ретро-

Роман» — это не просто воспоминания о тех или иных писателях, это целая эпоха с её историческими сломами и социальными противоречиями. Кочуя вместе с автором из 60-х в 90-е годы, оказываешься будто в разных странах, и охватывает ностальгия уже не только об ушедших, но и о канувшей в Лету советской эпохе, где имели место не только ужасы и запреты, как сейчас представляется молодому поколению, но существовали и замечательные дома творчества, например, в Ялте, где в цветущем мае Михаил Дудин вырезал чудесные трости и дарил своим знакомым, уникальная «Книжная лавка» на Кузнецком Мосту, где частенько можно было отовариться дефицитными книгами на втором, специально для писателей предназначенном этаже, и, конечно же, легендарный ЦДЛ, где всегда происходила бурная литературная и окололитературная жизнь: творческие вечера, встречи, бесконечные разговоры под водочку...

С особым трепетом Сергей Мнацаканян упоминает о причине и дате смерти того или иного поэта. Несомненно, для автора как для реалиста это особенно важно. Однако рациональный с медицинской точки зрения диагноз всегда преломляется под взглядом поэта и приобретает оттенок мистический и таинственный. И слетают к читателю неутолимые вопросы: почему кто-то уходит так рано, а кто-то доживает до старости, почему кто-то знаменит, а кто-то совершенно забыт, хотя не менее одарён?

Никто не в силах ответить на эти вопросы. Ни читатель, ни герои, ни автор. Да и не надо. Достаточно той доброй книжной мечты, в которой поселил он своих героев, того щедрого душевного тепла, с каким поведал о жизни небезразличных ему людей.

В «Ретромане» есть интереснейший раздел «Камера-обскура», в котором представлены редкие и уникальные фотографии братьев по перу, а также раритетные афиши выступлений 70–80-х годов, где можно увидеть имя Сергея Мнацаканяна вместе с именами ныне ушедших Беллы Ахмадулиной, Булата Окуджавы, Анатолия Преловского и многих других...

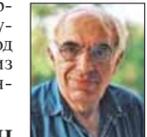
В прологе «Записки пассажира» — прекрасном ностальгическом эссе — автор размышляет о том, когда и почему он почувствовал необходимость такой книги: «Сегодня я думаю: когда началось это почти невыносимое ретро — взгляд, обращённый в собственное прошлое, причём не мемуары и не воспоминания, а нечто, полное сумрака и озноба прожитой почти без остатка жизни? В самом деле, когда? Этот вопрос возникает вновь и вновь — и нет на него ответа...»

А в эпилоге признаётся, что засёсть за свой труд подтолкнула его книга, которой почти пятьсот лет, — это изданный в серии «Литературные памятники» увесистый том «Жизнеописание трубадуров». И подумалось: «Судьбы моих друзей и знакомцев во второй половине двадцатого века куда драматичней, даже трагичней, лихорадочней и воспалёней, даже просто страшней, чем судьбы трубадуров пятнадцателетней давности. И обрывки этих судеб тоже имеют право на вечную жизнь...»

Бессорно, имеют. И они её получили. В светлой и пронзительной книге «Ретроман, или Роман-Ретро» внимательного и чуткого соучастника литературных событий, поэта Сергея Мнацаканяна.

Полина ПАНАРИНА

Евгений РЕЙН

ЛИТПРОЗЕКТОР

Когда нечем больше заняться...

Отечественный институт литературных премий более всего напоминает описанный М.А. Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита» Торгсин. И когда видишь, как одни и те же люди стоят в скромных и приличных очередях то к одному, то к другому премиальному прилавку, а учредители премий настаивают, что все эти люди и есть гордость и отрада современной русской литературы, хочется вслед за Корольевым завывать: «...Конечно!.. Он, видите ли, в парадном сиреневом костюме, от лососины весь распух, он весь набит валютой, а нашему-то, нашему-то?! Горько мне! Горько! Горько!»

Но, может быть, нам действительно стоит устремить лучащиеся надеждой глаза на премируемых по очереди писателей? Может быть, это именно их попечением суждено России вернуть себе славу литературной державы? И, может быть, их произведения не так уж плохи, как говорят злые языки? Вот, например, один из финалистов «Большой книги-2011» — Ольга Славникова.

По данным Википедии, в 1997 г. Славникова вошла в короткий список «Русского Букера» с романом под изысканным названием «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки». В 1999 г. Ольга Славникова с романом «Один в зеркале» получила премию журнала «Новый мир», в 2006-м — за роман

«2017» — премию «Русский Букер». В 2008-м и 2011-м вошла в число финалистов премии «Большая книга» со сборником рассказов «Любовь в седьмом вагоне» и романом «Лёгкая голова» соответственно. Славникова занимает пост координатора прозаического направления литературной премии «Дебют». Другими словами, именно Ольге Славниковой вверена судьба подрастающего литературного поколения.

Что ж, стоит полюбопытствовать, а то и, паче чаяния, развезать все наветы в отношении одарённости российского литературного establishment'a. Последняя книга О. Славниковой — роман «Лёгкая голова» — вышла в издательстве «Астрель». Перед тем роман печатался в двух номерах журнала «Знамя» — сначала была издана вторая (по смыслу и хронологии событий) часть, а уж затем только первая. Вероятно, этой кейдоскопичностью автор хотела заинтриговать читателя. В самом деле, начав читать в предлагаемой последовательности, приходится, чтобы хоть что-то уразуметь, продираяться сквозь текст, как сквозь волчьи и терние, подбавляя себя, что, должно быть, очень скоро всё разъяснится. Когда же наконец всё действительно разъясняется, понимаешь, почему автор прибегла к такой экстравагантной подаче материала и предложила читать свой роман с конца. Ведь предложи она чи-

тать с логического начала, едва ли кто-то стал бы читать далее третьей страницы — настолько нудным и натянут сюжет, настолько неточен и тяжеловесен язык.

Если же слепить воедино все куски этой головоломки, получится вкратце следующее. Главного героя романа — молодого «бренд-менеджера» Максима Терентьевича Ермакова автор с упорством называет не иначе как Максим Т. Ермаков. Так вот, на работу к Максиму Т. Ермакову являются представители спецслужб и объявляют, что его голова «немного, совсем чуть-чуть, травмирует гравитационное поле». А чтобы не травмировать это самое поле, особысти предлагают Максиму Т. Ермакову застрелиться, поскольку из-за его головы уже очень беспокойно стало в мире — теракты кругом, цунами, моровые язвы. Но Максим Т. Ермаков отказывается. И тогда спецслужбы применяют тактику доведения до самоубийства. В конце концов затея удаётся, и Максим Т. Ермаков пускает пулю в лоб.

Для писателя всегда считалось хорошим тоном писать о знакомых предметах. Каково это знание — личное ли знакомство или результаты шутливого, — совершенно неважно. Главное — чтобы писатель знал, о чём он пишет, не называл бы «кадилло» «паникадилло» и не отправлял бы своего героя охотиться в Африку на тигров. Роман «Лёгкая голова» напи-

санный как раз таки о предметах и явлениях, незнакомых автору. Так что создается впечатление, будто неправдоподобие — это какой-то новый стиль, изобретённый автором и опробованный тут же. И хотя в этом случае автор заслуживает почестей как новатор и первооткрыватель, возникает вполне закономерный вопрос: в чём прелесть этого стиля и зачем он нужен? Читать о вампирах или инпланетянах, которых никто никогда не видел, — это одно. Но когда, например, герои пьют «густой, как мёд, коньяк»; или когда Максим Т. Ермаков, впервые усевшись на «спортбайк», летит, как ни в чём не бывало, по Москве и вылетает на пустующее субботнее шоссе, где автозаправщик встречается не чаще, чем через 50 км, — это уже совершенно другое. «Картинка» происходящего в романе более всего напоминает американские фильмы о России. Так, например, главный герой романа особист по имени Кравцов Сергей Евгеньевич появляется не иначе как в какой-то спортивной ветуши с молнией на груди и полукотро-рванными лампасами. При этом из-под расстёгнутой молнии сияет массивный золотой крест на золотой же цепи или, по слову автора, «на золде».

С такой же голливудской проницательностью и достоверностью изображена в романе компания православных верующих, собирающаяся в со-

седней заявка на афоризм!); «темнота колыхалась вокруг неровными сусутками, и одна из темнот была человеком»; «мужская пухлая кисть в обручальном кольце»; «девичье, выложившее на стойку овалы декоративные» (дерзнем предположить, что на стойку можно выложить лишь то, что скрывается за декоративной обшивкой); «с привкусом той сладковатой-противной микстуры цвета бабушкиной катаракты, которую полагалось пить по столовой ложке...» (можно, конечно, догадаться, что пить полагалось микстуру, а не катаракту, но из текста это не явствует). И т.д.

Возможно, кто-то возразит, что это случайная неудача автора. И чтобы составить портрет Ольги Славниковой, лауреата и координатора, стоит ознакомиться и с другими её произведениями. Извольте, перед нами сборник рассказов писательницы — «Любовь в седьмом вагоне», изданный в 2009 г. всё в том же издательстве «Астрель». Рассказы, которые в предисловии автор назвала «достоверной фантастикой», по виду действительно напоминают рассказы.

Но фантастика именно тем и отличается от нудности, что фантастическое не случается в действительности, однако внутренняя логика повествования заставляет читателя верить написанному. А вот нудному читателю не верить, потому что слишком заметны швы и белые нитки, которыми обыкновенно сшивается нудный сюжет. В рассказе «Русская пуля» действие разворачивается вокруг

Светлана ЗАМИАТИНА

СЕМЬ НОТ

Время
Скрябина

Исполнилось 140 лет со дня рождения Александра Николаевича Скрябина. И это событие, безусловно, станет главным в наступившем году. В Новом Манеже открылась выставка по этому поводу. По-моему, очень удачная. Абсолютно непохожая на традиционные выставки: блестяще оформленная, лёгкая какая-то, со всякими трогательными подлинными свидетельствами жизни и творчества гениального русского композитора. Он родился в «музыкальное» время. Его мама, Любовь Петровна Шетинина училась в Санкт-

ПИАНИСТ АНДРЕЙ КОРОБЕЙНИКОВ

Петербуржской консерватории у Теодора Лешетицкого во времена Петра Ильича Чайковского, в его судьбе принимал участие А.Г. Рубинштейн, дарование юного Скрябина было замечено и всемерно поддерживалось родными и друзьями матери. Сама Любовь Петровна прожила короткую жизнь, всего 23 года. К сожалению, и Александр Николаевич должителем не был, но его присутствие в музыке по-прежнему огромно. На открытие выставки собрались очень хорошие люди, преданные творчеству Скрябина. Играл лауреат скрябинского конкурса пианистов Андрей Коробейников. Несмотря на размеры Нового Манежа, всё было как-то по-домашнему просто, уютно и не казённо. Кроме замечательных сотрудников Музея А.Н. Скрябина, других музыкальных музеев столицы надо отметить особую роль нынешнего носителя замечательной фамилии Александра Серафимовича Скрябина. Он неумоимо уже много лет исследует творчество своего знаменитого родственника, вместе с Анной Юрьевной Николаевой поддерживает музыкальные учебные заведения его имени. Только благодаря их подвижничеству и энтузиазму возник и стал заметным Международный конкурс пианистов им. Скрябина, ежегодно музыканты самых разных школ и стран за лучшее исполнение произведений Скрябина по их инициативе награждаются специальными премиями. Наша культура, собственно, и сохраняется благодаря таким преданным и подлинным её подвижникам. Деньгами вокруг всей этой деятельности и не пахнет. И премиями всевозможными тоже. Как ни включу телевизор, там за очередным правительственным поощрением бойко ходит одна и та же дама-журналистка, а потом в строгой учительской манере это же правительство и отчитывает за кретинизм. Мазохизм какой-то. Скрябин по тузовкам не ходит и покровителей не ищет, справедливо полагая, что не в деньгах счастье. А власти, не очень обеспокоенной событиями культуры, только этого и надо.

В последний месяц года в Москве играли Аренского и Глазунова. Событие. Кстати напомнить, что Александр Николаевич Скрябин учился у Аренского. Филармонические планы складываются так странно, что в Большом зале Консерватории, например, почти не звучат произведения Глинки, Римского-Корсакова, Бородина, Мусоргского, и все они печально посматривают со стен, где размещены их портреты. Редкий гость в концертных залах Танеев, никогда не слышим Калининкова, очень редко Свиридова и Гаврилина. Художественное ли руководство в Московской филармонии? Поэтому особая благодарность пианистам Александру Гиндину и Эдуарду Кунцу, блестяще сыгравшим Сонату №1 фа мажор, соч. 15 А. Аренского в концерте, посвящённом памяти народного артиста СССР пианиста Николая Петрова. С академическим симфоническим оркестром Московской филармонии под управлением Юрия Симонова Концерт Глазунова, как всегда, превосходно играл виолончелист Сергей Антонов. У меня складывается впечатление, что с мастерами именно виолончелистам очень повезло. В этом же месяце неповторимый вечер с виолончелистом Александром Князевым. Исполнялся Концерт № 2 Д. Шостаковича с оркестром «Новая Россия». Чтобы понять, что такое виолончель, надо слушать Александра Князева. Он сам — олицетворение этого инструмента и владеет им как никто другой.

В Москву привозили скрипку и альт Никколо Паганини. Итальянский скрипач Массимо Квартта и Юрий Башмет, выступивший одновременно дирижёром и солистом камерного ансамбля «Солисты Москвы», исполнили произведения Паганини, Россини, Моцарта. Инструменты великого итальянца визуально, признаться, произвели большее впечатление, чем концерт.

Английский пианист Фредерик Кемпф не забывает Большой зал Московской консерватории — играл листовскую программу. Безупречная техника, пианист, чувствуется, увлечён романтической музыкой и «Воспоминания о «Норме» Беллини-Листа, Miserege из «Трубадура» Верди-Листа, «Воспоминания о «Дон Жуане» Моцарта-Листа оставили прекрасное впечатление.

Но лучший фортепианный концерт, на мой взгляд, дал Александр Кобрин, лауреат международных конкурсов. Ученик профессоров Т. Зеликанов и Л. Наумова, талантливый музыкант, к сожалению, редкий гость в московских концертных залах. Надо отдать должное его смелости. Играть в Малом зале Консерватории — чистое наказание. Невероятный скрип новых кресел свидетельствует о том, что ремонт в зале осуществлял человек, искренне ненавидящий всякую музыку и фортепианную в частности. Слушатель не в состоянии пошевелиться — тут же раздаётся чудовищный скрип. Как правило, в самом интимном, тихом месте исполняемого сочинения. Кто приглядывал за преображением Малого зала? Надо сообщить это именной всем, страдающим ежедневно в этих стенах. Исполнителям сочувствую. Но Кобрину важно, видимо, было играть в консерватории, так как выступление посвящалось памяти профессора Л.Н. Наумова. Исключительным был Шопен. Невозможно словами передать то особое состояние, которое приходит с первыми звуками его роля — они пленительны и необыкновенны, у Кобринна всё прочувствовано, всё красноречиво (если можно так говорить о звуке), тонко и изощренно. Редкое взаимопонимание с композитором. И что меня вечно озадачивает — внешне он совершенно непохож на все свои редкие умения. Не обнаружу его имени в афишах ближайших месяцев — выйдут, как нынче модно, с плакатом из филармонии «Дайте зал Кобрину». В музыке очень важно слышать исполнителя вовремя.

ЮРИЙ ДАНИЛИН

ПРЕМЬЕРА

Тайна полёта персонажа в Вечность

Только летом Валерий Белякович был назначен художественным руководителем Московского драматического театра им. К.С. Станиславского, а в конце ноября уже выпустил первую премьеру — «Шесть персонажей в поисках автора» Л. Пиранделло.

Премьеру эту очень ждали по нескольким причинам. Кому-то очень хотелось, чтобы режиссёр, всю жизнь работавший «в подвале» и начинавший свой театральный путь с самостоятельности, непременно с треском провалился в театре, расположенном в самом центре Москвы, и тем самым лишний раз доказал им, по преимуществу никогда не переступавшим порог Театра на Юго-Западе в связи с его отдалённостью от центра, что там ему и место. При этом не принималось во внимание, что Белякович ставил и в Театре им. Н.В. Гоголя, и во МХАТе им. М. Горького, и на многих провинциальных российских сценах, и в Америке, и в Японии.

Не свой. Чужак. В модных тузовках не тратит время, не проповедует, не поучает. К тому же и спектакли ставит в немислимо короткие сроки. А главное — не стремится расширить круг близких ему людей за счёт громких имён, ему достаточно того, что о спектакле «Гамлет» писал когда-то выдающийся театровед А. Аникст, что о многих его работах взволновано и даже порой пафосно писал Л. Аннинский. Кроме того, он ни на миг не забывает, что учителем его был почти забытый сегодня Борис Иванович Равенских, память о котором Белякович хранит очень верно.

Ну а кто-то ждал этой премьеры, горячо желая режиссёру большого успеха. Режиссёру и театру, который много лет находился далеко не в самом лучшем состоянии, несмотря на сильную труппу и готовность её к работе.

Неслучаен был его выбор первой постановки в Театре им. К.С. Станиславского — именно эту сложнейшую пьесу Л. Пиранделло очень хотел поставить Б.И. Равенских со своими учениками. Но случилось так, что через несколько часов после первой читки пьесы он скончался в подъезде дома, где жил. Тогда Валерий Белякович посвятил памяти учителя один из самых лучших своих юго-западных спектаклей — «Мольер» по «Кабале святош» М. Булгакова, в котором играл иногда в очередь с Виктором Авиловым главную роль. Это был спектакль-событие, в котором живая и больная память смешивалась с далёкими временами и с днём сегодняшним, и в этой смеси рождалась мысль о судьбе художника в эпоху несвободы...

Судьба пьесы Л. Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора» в нашей стране довольно неспроста. К ней обращались нечасто, останавливаясь именно перед её сложностью — как по форме, так и по содержанию. Но Валерий Белякович — режиссёр изобретательный и настойчивый в своих устремлениях, потому и не убоился взяться за осуществление мечты своего учителя в память о нём. Как истинный игрок Белякович пошёл на большой риск — во-первых, взявшись за этот литературный материал, во-вторых, соединив его с трагедией Шекспира «Макбет», о которой идёт «дурная слава». Даже артисты английских театров предпочитают не называть её, говоря о «Макбете» «та самая шотландская пьеса». Сочетание двух подобных текстов — риск огромный, но, называя Валерия Беляковича «итроком», я имею в виду то, что стоит за этим понятием в русской культуре, тем более что жизнь этого талантливого режиссёра и артиста пронизана навсквозь театром, игрой. Ею отличаются не только его чрезвычайно зрелищные и изобретательно построенные спек-

такли, но и сам выбор того, к чему он обращается, каждый раз словно бросая вызов судьбе.

Может быть, именно по этой причине он так часто выигрывает...

Спектакль, в котором Валерию Беляковичу принадлежит не только постановка, ато и сценография, и костюмы, и подбор музыки, и сложнейшая компоновка текста с вкраплением некоторых современных выражений и образного ряда (признаюсь сразу, на мой взгляд, не всегда и не во всём удачных), начинается с резкого звука и не менее резкого, слепящего света, как-то внезапно и очень темпераментно захватывающих ещё несколько ошеломлённого зрителя. А затем появляются три ведьмы из «Макбета» — мужчины с рельефными обнажёнными спинами и натянутыми на затылок масками. Их пластический рисунок безупречен, три молодых артиста — Владимир Долматовский, Марат Домански и Филипп Ситников — играют выразительно, остро, шекспировский текст в переводе Б. Пастернака звучит зловеще и сразу заставляет верить в предсказания этих «тварей», лишённых рода и лица. А когда ближе к финалу спектакля они повиснут на металлической конструкции головами вниз, покажется, что это — летучие мыши, предвестники беды...

Когда-то Валерий Белякович поставил шекспировского «Макбета» на

XX века, когда Шекспир казался многим устаревшим в силу «возвышенности» его трагедий!). Диалоги Макбета—Афанасьева и Банко—Бадова выстроены и всерьёз, и иронично, и с узнаваемыми характерами исполнителей. Это очень сложный рисунок, придуманный Беляковичем, но артисты справляются с ним с честью.

Мне показалось, что можно было бы немного сократить текст «Макбета» — он явно превалирует над текстом Пиранделло, порой мешая углубиться в проблему тех, кто важнее прочих для автора Персонажей.

В этом театре принципиально не ставят современных пьес, о чём с гордостью сообщает Режиссёр, и здесь Валерий Белякович как истинный игрок делает двойной ход: достаточно всмотреться в Помощника режиссёра (Макс Шахет), чтобы понять, как стареет и восполнить этот досадный пробел служитель театра — типичный представитель богемы в фиолетовом пиджаке и оранжевых носках, выглядывающих из-под коротких брюк. Свою маленькую роль Макс Шахет играет так, что очень легко представить себе досуг этого человека, с видом профессионала рассуждающего где-нибудь в околотеатральной компании о падении нравов в современном искусстве, о преимуществе классики над современными поделками, а на работе с не-

сцене Театра на Юго-Западе — эти три ведьмы пришли в спектакль Театра им. К.С. Станиславского оттуда, как и многие другие находки, связанные с «той самой шотландской пьесой», как и исполнитель роли Макбета, очень яркий артист Валерий Афанасьев. Но там всё было совершенно по-иному: Белякович ставил трагедию Шекспира как чистую трагедию, здесь же перед нами репетиция спектакля, над которым напряжённо работают Режиссёр (замечательно играет Юрий Дуванов) и очень старательные артисты. Особенно — премьер (Макбет) и премьерша (леди Макбет в исполнении Людмилы Халилуллиной) пафосна, наделена типичными актёрскими «переживаниями» и почти так же капризна, как и актриса, играющая эту роль, хотя и Малькольм (Лера Горин) отчаянно «жмёт», утрирует, стараясь показать своего героя недалёким, но наделённым трагическим мироощущением, — это получается смешно и грустно одновременно. И, конечно, Банко, сыгранный Владимиром Бадовым с тонкой иронией и отчётливым пониманием, что слишком мало живого в этой трагедии из далёких времён и так много ходульного с точки зрения дня сегодняшнего (напомним: пьеса Пиранделло написана в конце первого десятилетия

навязью повторяющего и повторяющего для беспамятных актёров реплики из устаревшего Шекспира.

И вот — появление Персонажей. Через весь зрительный зал под музыку Доменико Фронтё, так отчётливо вызывающую в памяти эстетику Федерико Феллини. Да они и похожи на персонажей Феллини — смешные люди, явившиеся со своей проблемой недооволощённости куда? — в театр, принципиально отвергающий современность. Им необходим автор, чтобы трагическая история этой семьи осталась закреплённой, воплощённой, переданной из рук в руки исполнителям. Сталкивая реальную жизнь с закреплённой на века трагедией, Валерий Белякович авантаж вовсе не тем, чтобы провести некие параллели между «Макбетом» и «Шестью персонажами в поисках автора», пьесой, опубликованной в 1920 году и тоже давно уже ставшей мировой классикой. Их нет и быть не может, как нет и не может быть параллелей между Историей и историей маленького человека, столь любимого русской классической литературой.

Неожиданно ворвавшись в театр во время репетиции маленькие люди (они потому так настойчиво вызывают в памяти героев Феллини, что и для него

именно они и становились героями!) ломают всё привычное, закреплённое, ставшее стереотипом; они принесли сюда свою жизнь, свою историю одной семьи, и для них нет и быть не может ничего важнее. С каким затаённым ужасом наблюдают они ход репетиции, чувствуя фальшь и придуманность, как стараются привлечь внимание к себе, как, наконец, выразительно и сильно разыгрывают свою историю — на глазах Режиссёра и некоторых артистов слёзы появляются от сопереживания обыденным событиям обывательской жизни. А вот актёры повторить их диалоги и монологи не могут...

Потому что целая пропасть лежит между персонажами и исполнителями, если столкнуть их «люб в лоб». Только тогда могут проявиться невидимые нам, зрителям и критикам, черты...

Что касается Персонажей — все они сыграны просто блистательно: от Отца — Олега Бажанова просто невозможно глаз отвести, настолько выразительно, наивно, но нервно переживает он всё происходящее в жизни и на сцене; Мать Дианы Рахимовой большую часть своей роли проигрывает мимически, но в последнем монологе перед нами раскрывается незаурядный темперамент и невымысленная боль актрисы; Падчерица Анны Сениной заставляет испытывать глубокое сострадание к этой заблудившейся в жизни девочке, пережившей шок от близости с мужем матери (эта сцена очень сильно решена режиссёром в пластике); Сын Дмитрий Чеботарёва, переполненный агрессией, в какой-то момент захочет сбросить с себя мучительную, невыносимую маску Персонажа и включиться в репетицию «Макбета»; а Сынко (Евгений Елсуков) выплеснет весь темперамент в единственной сцене гибели мальчика, когда он скатится по ступенькам, как убитый Макбет; внезапно появившаяся среди Персонажей мадам Паче (очень хороша в этой роли Ирина Коренева!) приведёт в ужас Режиссёра, решающего, что отныне Персонажи будут множиться и множиться вокруг него...

В момент гибели Макбета зазвучит вдруг музыкальная лейттема Персонажей, и смерть эта покажется трагической, хотя Падчерица склонится над убитым, а Сын воскликнет: «Даже Макбета автор освободил, а чем мы хуже?» И наступит свобода — лица Персонажей просветлеют, их история завершится гибелью Сына, утонувшей Дочки (эта сцена решена Беляковичем по-настоящему страшно, когда руки ведьм то опускают куклу, словно в глубину пруда, то вновь поднимают её, чтобы затем уже навсегда погрузить на дно), безумие Матери и бегством из дома Падчерицы. И тогда они смогут уйти. Они вновь спускаются в зал, уходят, и вдруг за ними бросается Банко, понимая разницу между Персонажем и Исполнителем и выбравший отныне свою долю. А оставшиеся артисты во главе с Режиссёром, столпившись, остаются на авансцене едва не плача. Они поняли слова Падчерицы: «Зачем нужен весь этот театр, если в нём нет правды?» — и задумались. Может быть, навсегда...

Тот несомненный мистический оттенок, который есть в пьесе Луиджи Пиранделло, Валерий Белякович сформулировал очень отчётливо: «Тайна полёта персонажа в Вечность...» Исполнители меняются, приходят и уходят, одни из них могут быть сильнее, другие — слабее, но остаётся и манит, тревожит, не даёт покоя эта вечная тайна...

Тайна персонажа.
Тайна игры.
Тайна театра.

Что ж, я очень рада, что Валерий Белякович вновь победил.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

ЧЕСТВОВАНИЕ

Юбилей без президиума

Московские улицы пестрят афишами неправдоподобных размеров, которые и не снились самому Шалаяну: «Мне — 20 лет!», а «Мне — 25!», а «Мне — 30!». Кокетливо сообщают юные дарования, представляющие сами себя — «звёзд» шоу-бизнеса.

Особая статья — юбилей театров. Вариантов здесь тоже не так много. В принципе известно два. В первом театр готовит к своему юбилею премьеру. С одной стороны, это хорошо. Но с другой — более рискованно: а вдруг провал?! Во втором — труппу рассказывают на сцене по ранжиру, согласно Табели о рангах: народные артисты — в первом ряду, заслуженные — во втором, остальные — за ними.

На экране в это время мелькают чудом сохранившиеся кадры кинохроники с выдающимися мастерами прошлых лет, отчего во всеоросийской, что присутствует не на юбилее, а скорее, на вечере памяти театра, который потеряли. Именно в этот момент на сцене появляются делегации с поздравительными адресами, подарками и цветами, а затем наступает кульминация: оплащаются указы о присвоении почётных зва-

ний и награждении орденами, ради чего, собственно, и устраивался праздник.

Правда, несколько лет назад один из старейших театров решил нарушить традицию и предложил свой путь. Труппу усадили на сцене за небольшими столиками и стали выпивать. А зрители могли наблюдать за этой всеоросийской пьянкой — кто из зала, кто с экрана телевизора: велась прямая трансляция. И по тому, как постепенно теплели лица наших кумиров, чувствовалось, что сидят они хорошо!!!

Справедливости ради надо сказать, что юбилей сегодня справляют не только люди искусства, но и всевозможные банки, ОАО, ООО, размещающие растяжки: «Нам — 3 года!», «Нам — 5 лет!». До десяти, правда, удаётся дотянуть далеко не всем юбилярам: их деятельность начинают интросервировать правоохранительные органы. И тогда приходится передислоцироваться поближе к Лондону. Этот год облобыла ещё в XIX веке многие диссиденты. Начиная с Маркса и Герцена. Правда, их никто не обвинял в хищениях в особо крупных размерах, но

времена меняются, меняются и диссиденты, и их нравы...

На этом фоне празднование 90-летия Российского академического молодёжного театра, девичья фамилия — Центральный детский, выглядит неслыханным вызовом всему театральному сообществу. Никаких вступительных слов, никакого президиума и даже никакой кинохроники. Правда, четыре раза с «небес» спускался фотокиностаб с портретами людей, отдавших этой сцене многие годы. Разумеется, не всех: всё-таки — 90 лет!!! Но наиболее значимых: ведь это и их праздник! Своим визуальным присутствием они как бы подтверждают преемственность поколений — из вчера в завтра! До чего же неправдоподобно молодо выглядит девятидесятилетний юбиляр: прыгает, скачет, танцует, фехтует, поёт, здраво и остро мыслит, приглашая к сотрудничеству великие имена от Шекспира до Пушкина и Пастернака, от Баха до Шостаковича и Дунаевского. Скажи мне, что твои друзья, и я скажу тебе, что ты... Действие юбилейного представления напоминает морскую прибор, когда одна волна

накрывает другую, не давая опомниться. На смену лирическим раздумьям приходят феерическая пляска или сатирические куплеты, в которых на равных с ветеранами и нынешними звёздами принимают участие начинающие артисты. Два часа нас не покидает ощущение настоящего чуда, сотворённого чистыми, талантливыми людьми, пожелаю им остаться инкогнито. Но мы, кажется, всё же догадывались, чьих рук это дело, и хотим назвать хотя бы два имени — Алексей Бородин и Станис-

лав Бенедиктов. Больше 30 лет они правят здесь бал и делают это без всякой помпы, просто великолепно работают!

Нынешнее юбилейное представление, названное его создателями «В пространстве сценных», не столько подводит итоги пройденного пути, скорее, намекает на будущее, обещающее быть не менее радостным, чем прошедшие годы, одаривавшие нас не раз счастливыми встречами с самоотверженными слушателями Мельпомены.

Борис ПОЮРОВСКИЙ

Таким его видели фотографы

В преддверии 120-й годовщины со дня рождения Владимира Маяковского и своего 75-летия музей его имени на Лубянке представил фотовыставку и презентовал альбом «Маяковский. Коллекция фотографий (1896–1930)».

Впервые собраны фотографии Маяковского из коллекции музея в таком объеме. Некоторые снимки неизвестны — часть работ редко публиковалась в печати. Изображения поэта собраны в хронологическом порядке, что помогает полнее раскрыть характер взаимоотношений Маяковского с соратниками по литературе и искусству. Представлен не только фотографический портрет, но и литературный, словесный.

Всего в музее хранится более 370 сюжетов, выполненных профессионалами и фотоаппаратами-любителями. Снимки, сделанные ими, вошли не только в выставочный фонд фотоискусства, но и в историю литературы. Среди известных мастеров: Н. Свищёв-Паоло, Ласло Мохой-Надь, В. Булла, П. Шумов, А. Штеренберг, А. Родченко, Н. Петров, А. Темерин и И. Ярославцев.

Более 30 уникальных фотографий перешло музею писатель Л. Ф. Волков-Ланит — автор замечательной книги «Вижу Маяковского», а также знавший лично многих фотографов, снимавших поэта. Так, Леонид Филиппович помог определить авторство выставочного портрета Маяковского работы Н. Свищёва-Паоло, найденного мной в своё время за шкафом в Центральном музее им. А.А. Бахрушина и проходившего у них по описи как неизвестный портрет поэта.

Уникальный фотоальбом вышел в свет тиражом 500 экземпляров, а выставка продолжает работать!

Евгений ФЕДОРОВСКИЙ

О. Брик. Маяковский и В. Шкловский. Нордерней, 1923 г.

А. Шарман. С актрисой МХАТ А. Судакевич, 1929 г.

Б. Фомин. В редакции «Красная Татария». Казань. 1927 г.

Г. Яциский. В столовой Дома отдыха ЦК профсоюзов. Сочи, 1929 г.

В. Зельдович. В кабинете НКВД. 1927 г.

А. Штеренберг. Москва, 1923 г.

ШТРИХ-КОД

Искусство — это не гонка за лидером

«ЛГ» давно уже ведёт на своих страницах полемику по проблемам современного искусства. Сегодня к ней присоединяется известный искусствовед, проректор по научной работе МГАХИ им. Сурикова Александр РОЖИН.

— Александр Иванович, споры о том, какое искусство считать актуальным, становятся всё более яростными. Есть ли надежда, что спорщики придут к согласию?

— Какое искусство считать актуальным, на мой взгляд, сегодня никто точно сказать не может. Актуальность нельзя сводить ни к интерактивным мультимедийным технологиям, ни даже к каким-то новым направлениям или открытиям в изобразительном искусстве, каковых я пока что не очень-то и вижу на горизонте, о чём свидетельствуют такие крупнейшие международные выставки, как Венецианский биеннале или ФЕАК. Даже там нечасто можно обнаружить нечто такое, что предвосхищало бы будущее и действительно было востребовано обществом в целом, а не отдельными специалистами.

— Художник должен определять будущее...
— ...а не просто отражать то, что его окружает. Он должен предвосхищать не только пути развития художественной культуры, но и общественного сознания, общественной психологии.

— А если он ничего предвосхищать не хочет?

— Тогда он не художник, а только человек, умеющий рисовать. Творить может каждый, и полем для творчества может стать любая сфера человеческой деятельности, не только искусство. В этом контексте я согласен: каждый человек творец, но в какой системе координат следует его творчество оценивать? Согласитесь, рисунок ребёнка оценивается совсем по иной шкале, нежели рисунок профессионала. Когда-то Анатоль Франс сказал, что искусство угрожает два чудовища: художник, не являющийся мастером, и мастер, не являющийся художником. Эта мысль справедлива и сегодня. Художник, прошедший основательную профессиональную школу, вправе заниматься разного рода экспериментами. Школа позволяет ему опираться на сумму полученных знаний и навыков, от наследия, оставленного предшественниками, потому что так или иначе это в его творчестве всё равно проявится. И в этом смысле образцы актуального искусства — перформансы, инсталляции, видеоарт — всё равно зидутся

на прочной базе прошлых эпох, нравится это кураторам модных выставок или нет.

— Похоже, кураторы и узурпировали право окончательного вердикта «актуально-не актуально»?

— Да, сегодня у нас определяются конъюнктура художественную, в том числе и конъюнктура рынка, именно кураторы. Есть большая разница между призванием художественного критика и призванием организатора художественных инициатив, коим является куратор. Критик не только реагирует на то, что происходит сегодня в искусстве или в творчестве отдельного мастера, обратившего на себя его внимание, но и сопоставляет, сравнивает то, что было, с тем, что есть, и пытается определить, что будет. А кураторы, как правило, анализом себя не утруждают, ограничиваясь навязыванием собственной концепции, в основе которой лежит лишь его личное представление о том, «что такое хорошо и что такое плохо».

— Но ведь критик тоже человек, его личные пристрастия не могут совсем уж не влиять на его мнение. Значит, и он субъективен?

— Субъективность субъективности рознь. У критиков всё-таки за плечами стоит школа. Они — профессионалы: историки искусства, искусствоведы. А кураторы в большинстве своём профессионалами в области художественного творчества не являются. Как правило, это несостоявшиеся (реже — состоявшиеся) социологи, психологи, филологи. Беда в том, что людям свойственно зачастую механически переносить какие-то понятия из одной сферы научной деятельности в другую. Мне это представляется серьёзной опасностью, потому что даже у искусствоведов не всегда есть чёткие представления о терминологии, которую они используют в

своём профессиональном лексиконе. Трудно ориентироваться в этой лавине наукообразных терминов, почерпнутых из философии, социологии и других дисциплин, причём не только гуманитарных, а потому и создадим условия, чтобы этот механизм работал, всё вернётся на круги своя.

— Куратор декларирует, что в данный момент востребовано рынком, и художник вынужден подстраиваться под диктат кураторской гильдии. Что ему делать?

— Работать. Верить в свои силы и собственное предназначение. Ибо если он сам в себя не верит, то как же в него поверят другие?
— Но у него возникают два противоположно направленных интереса — писать то, что хочется, или то, что требуют кураторы. Совместить это возможно?

— Конечно, и тому есть масса примеров. Вспомним Рубенса, Рембрандта, ван Дейка, Веласкеса. Конъюнктура конъюнктурой, семью кормить, безусловно, надо. Но если художник профессионал (а доля цинизма присутствует в творчестве любого профессионала), он делает так, как требует «заказчик», и ему не будет стыдно за то, что он сделал. Лучшие произведения мирового искусства, оставшиеся в памяти человечества, в большинстве своём создавались по заказам, и далеко не всегда заказчики были просвещёнными, высококультурными людьми. Возрождение общественного заказа позволило бы возродить и общественную потребность в произведениях искусства.

— Многие полагают, что «сверхвостребованность» актуального искусства породила заказчики с не слишком высоким культурным уровнем: они заказывают то, что доступно их пониманию, хотя это далеко не всегда можно назвать подлинными произведениями искусства.

— С одной стороны, это так: столь непопулярный сегодня у нас Маркс справедливо утверждал, что, если ты хочешь наслаждаться искусством, ты должен быть художественно образован. Художественное образование — основа и восприятия искусства, и создания новых его видов и форм. Но ситуация всё-таки сложнее. Раньше искусство было полигоном для борьбы идеологий. Запад обвинял нас в том, что наша доктрина подчинена коммунистической идеологии, мы парировали: у вас она подчинена культу денежного мешка. К чему мы пришли? К смене полюсов. Теперь мы твердим, что искусство должно быть самокупаемым. Но искусство и культура ни

когда не были самокупаемыми по определению. Они всегда существовали на дотации, финансировались извне: государством, церковью, меценатами. Когда мы это осознаем и создадим условия, чтобы этот механизм работал, всё вернётся на круги своя.

— У государства на эти цели средств катастрофически не хватает. Под эгиду Церкви не всякое культурное начинание поставишь. А меценаты, скорее, вкладывают средства во что-то остро модное, чем в серьёзный «академический» проект.

— В целом вы правы. Но есть среди меценатов люди, не рвущиеся на страницы модной хроники. Благодаря одному из таких людей — Владимиру Машицкому — вот уже девять лет существует журнал «Третьяковская галерея», главным редактором которого я имею честь быть. Когда он спросил меня, будет ли журнал приносить прибыль, я честно сказал: нет. И самокупаемым он тоже не будет. Искусство не даёт материальных дивидендов. Оно требует капиталовложений, которые потом возвращаются духовным здоровьем нации, грядущих поколений. Единственным условием была двуязычность издания. «Третьяковская галерея» — журнал профессиональный, академический склада, но адресован всем — наши авторы пишут не только ясно и доступно, но и увлекательно. Нашими подписчиками являются крупнейшие библиотеки нашей страны и целый ряд фундаментальных зарубежных библиотек, в том числе Библиотека Конгресса (США). Журнал рассылается ведущим отечественным музеям и галереям, художественным образовательным учреждениям. Надеюсь, что московское правительство поддержит нашу идею сделать подписчиками крупнейшие школы и школы с углублённым изучением английского языка: параллельные тексты — это форма не только эстетического, но и лингвистического образования.

— Воспитание грамотного зрителя, способного по достоинству оценивать произведения искусства, — процесс длительный и не всем доступный. Как же всё-таки приоритеты расставлять?

— А нужно ли их расставлять вообще? Куратор делает ставку на очередную тёмную лошадку и, чтобы выиграть, начинает её раскручивать. Иногда это настоящий талант, чаще имя исчезает, как только проходит на него мода. Посещаемость выставок не является показателем ни культурного уровня нации, ни качества выставленных произведений. Расставлять приоритеты может

только время. Когда это делает человек — это слишком ответственно и в значительной степени условно. Мы не обладаем инструментарием, который позволял бы нам говорить, кто есть художник, а кто нет, кто первый, а кто второй. В искусстве деление на порядковые номера несоразмерно процессу творчества — без «вторых» имён не было бы первых, а без третьих — вторых.

— То есть это всё-таки не гонка за лидером?

— Безусловно, нет! Марсель Дюшан с его легендарным писуаром, ставшим одним из образов искусства начала XX века, сам потом иронизировал над критиками, которые восторгались этим объектом. Любый предмет из нашего окружения может стать произведением искусства? Я не вполне в этом уверен, хотя нынешнее время таково, что от воображения человека, от его установок, от конъюнктуры зависит, к сожалению, многое. Человек может наделять объект любым смыслом, который будет понятен только тому, кто его обозначил. Но это будет смысл вообще, а не художественный смысл.

— Где грань, которая разделяет эти понятия?

— Она очень зыбкая. Я считаю, что искусство авангарда, поставангарда, постмодернизма — это искусство интеллектуальной игры, каковой, по сути, и является процесс наделения смыслами соответствующих объектов, претендующих на звание произведений искусства. Но по каким правилам и с кем мы играем — это вопрос вопросов. Думаю, что наше искусствоведение ещё не готово на него ответить.

— Пока искусствоведы заняты решением теоретических задач, что делать обычному, рядовому зрителю? Художники прошлого стремились воззвать к лучшему в человеке, нынешние, похоже, предпочитают напоминать ему, насколько он мерзок. От такого «погружения в искусство» человеку становится очень уютно.

— Это обратная сторона жизни человеческой. У Дали немало произведений, которые советская критика называла антигуманными и антидуховными. А на самом деле они несли в себе заряд другой духовности и иного гуманизма, были защитной реакцией художника на беды и напасти, которые обрушились не только на его голову, но и на всё его поколение. Это тоже форма духовного воспитания, только выстроенная по другим критериям.

— Значит ли это, что вызов, который бросают обществу такие группы, как «Война», это тоже защитная реакция на то, что происходит в нашей жизни?

— Не могу утверждать однозначно, но такое предположение имеет право на жизнь. Когда художник богохульствует в своём творчестве, вызывая недоумение, даже гнев, он, наверное, делает полезное дело: пробуждает в человеке протест против несовершенства бытия. Думаю, что, когда речь идёт о «Войне», «Синих носках», других группах так называемых лидеров актуального искусства, не надо во главу угла ставить их концепции отношения к миру. У каждого человека оно своё.

— Иными словами, дайте миру быть разнообразным?

— Как в китайской поговорке: пусть расцветают все цветы.

— Ситуация чем-то напоминает сцену из «Моцарта и Сальери», когда Сальери недоумевает, как гений может слушать уличного музыканта.

— Пожалуй, напоминаю. Очень трудно определить, чем подлинный художник отличается от мнимого. Мастерством? Уровнем интуиции? Силой вдохновения, позволяющего ему преодолеть границы времени, в котором мы существуем? Кто возьмёт на себя ответственность дать однозначный ответ?

— Насколько обоснованы опасения, что искусство актуальное уничтожит реалистическое как явление?

— Реалистическое искусство живёт, трансформируется новыми веяниями, возникающими на каждом следующем витке исторического процесса. Искусство, как и история человечества в целом, движется по спирали. Это параллельное развитие. Реализм не есть нечто застывшее раз и навсегда, он меняется от столетия к столетию. Сальвадора Дали к реалистам никак не отнесёшь. Но он получил основательную художественную подготовку. И если мы вспомним выставку из Фигероса в ГМИИ им. Пушкина, то увидим, как чутко и бережно он относился к процессу создания произведения, как требователен он был к себе. «Портрет Гала с бараньей косточкой» по размеру меньше открытки, но его можно увеличить до масштаба монументальной росписи. Это и есть свидетельство высочайшей профессиональной культуры. Так что актуальность — всего лишь вопрос понятийного аппарата. В искусстве всегда присутствует элемент *non finit*, незаконченности. Если бы нашёлся человек, который смог аргументированно объяснить, что является искусством, а что нет, то искусство на этом и кончилось бы, исчезло. В недосказанности, в необъяснимости — залог дальнейшего развития и общества, и культуры.

Беседовала Виктория ПЕШКОВА

ТЕЛЕПРАЗДНИК

Агрессия инфантилизма

Предновогодние события и непомерно длинная телепьянка столкнулись в непримиримом противоречии

На всех каналах в праздники показывали тех же, что и до праздников, только ещё больше. Басков, Лайма, Лепс, Макс, Стас, Галкин, Бабкина, «блэки», сваты-алкоголики, под Новый год Киркоров внезапно разродился дочерью, Пугачёва — мужем, Борис Моисеев вернулся на голубой экран к своим малышам, с ещё большим задором продолжила пачкать экран «Наша Раша», в общем, всё та же, пардон, параша... И вдруг про Россию вспомнили.

Давно не видел выступлений Михаила Задорнова на ТВ, а вот 2 января наткнулся на его концерт «Смех сквозь хохот» на канале РЕН. Писатель три часа (!) боролся в конкурентной борьбе за меня (зрителя) со всеми другими каналами. И доборолся. До слёз дошёл. Не тех, что от хохота. Бесмысленная ржачка, которая беспрепятственно льётся с экрана, отвращает от всех юмористических передач, но в этот раз я увидел на сцене не только юмориста, но и сатирика и даже проповедника.

Во-первых, такого количества политической сатиры, персональной критики властей на федеральных каналах давно не было. Наиболее жёсткие репризы Задорнов предвещал фразой: «Это, конечно, вырежут». Не вырезали! Когда власть критикует те, для кого страна важнее комфорта, грин-карты и прочих либеральных ценностей, ничего, кроме пользы, не будет. В первую очередь власти. Иначе — «пруды», «болога» и прочие «тупики имени Сахарова».

Так почему вдруг глаза на мокром месте? В телеконцерте Задорнова участвовала девочка лет семи. Диана Козакевич с Украины. После сатирических эскападов ведущего она вдруг прочитала стихи (что на ТВ случается крайне редко), а именно стихотворение Евгения Евтушенко «Идут белые снеги...», которое кончается строчками:

*...Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя,
если будет Россия,
значит, буду и я.*

Это прозвучало так неожиданно и пронзительно, так не совпадало с многолетним дискурсом нашего ящика... Ну и пошла слеза у ведущего, у зрителей в зале, и телеэкран девочка пробила...

Спасибо Задорнову за героическое, антиутилитарное шоу, а также за то, что на его зрителей смотреть было приятно, а не противно, как часто бывает на других юмористических передачах.

Но вот что огорчило: на следующий день на РЕН новый концерт Задорнова, потом ещё, ещё... Перекормив, ТВ может убить всё, что угодно. Кроме того, как сообщил на своём сайте сам сатирик, из цикла его концертов вырезали всё-таки очень много.

Конечно, на Новый год были показаны фильмы Гайдая — давно я их не пересматривал и впервые воспринимал с некоторой досадой. За страну, за артистов, которые замечательно играли, но... Знаменитая комедия про контрабандистов была одним из бриллиантов в огромной короне советского кинематографа, однако почему сейчас для показа из всего этого разнообразного богатства преимущественно выбирают только такие комедии-примитивы, в которых все персонажи, как бы сказать... Обидно почему-то за Юрия Никулина, который своего Семён Семёныча, простого работягу, фронтовика, представил феерически смешно, но полным идиотом. И вся страна в фильме — такая же, «остров невезения», который населяют сплошь недотёпы, идиоты, уголовники и алкаши, распевавшие «А нам всё равно». В кинопоказе — явный, давний дисбаланс: побеждает примитив, отсутствуют или периферийно показываются куда более интеллектуальные ленты вроде «Когда деревья были большими» или «Андрей Рублёв» с участием того же Никулина — их много, замечательных, но сейчас даже традиционное новогоднее «Обыкновенное чудо» отодвигается от экрана волосатой «Бриллиантовой рукой».

И традиционно показываемую на Новый год «Иронию судьбы» я увидел по-новому. Долгие годы был преданным поклонником прелестной Нади, интеллигентного Жени, и вот на тебе — обаяние замечательной актёрской компании в этот раз на меня не действовало. И не потому, что Первый канал безбожно сузил картину, обрезав лица актёров по краям — ну это обычное телехамство, подгоняя под широкий формат «Продолжения»... А по существу. Что «в подкорке» фильма?

Агрессивный инфантилизм. Принципиальное нежелание заглядывать в будущее. Московский романтик, сделав предложение своей возлюбленной, радостно идёт

в баню, напивается там в дым (пьяный угар в фильме показан настолько заразительно, что целые поколения подцепили этот «банный» вирус счастья), прилетает не к своей невесте, а к чужой, в Ленинград... Беспардонно вторгается в судьбы живущих там людей и изобретательно, жестоко разрушает созданный ими мир.

И делает это совершенно бескорыстно, во имя опять же любви.

Через десяток лет так же бескорыстно и романтично, во имя любви к свободе наши нади и жени шли на перестроечные митинги и, потрудившись от души на тех, кто вскоре раздербил страну, потом кляли свою наивность...

Но вот советских сотрудников НИИ заменил офисный планктон, выросло новое поколение инфантильных «хомячков, баранов и пингинов» (так названных своими «погонщиками», но не оскорбившихся!), оно опять идёт на проспект, который на самом деле тупик. Именно для них была снята «Ирония-2», где опять запойный романтик развёл честного прагматика, к тому же занимающегося инновационным бизнесом. Прямо какой-то подкорм под модернизацию. Я, конечно, шушу, к произведению искусства нельзя относиться столь утилитарно, но всё же...

С другой стороны, возвращаясь к первой «Иронии», эта лирическая комедия опрокидывает нынешние стандарты показа советской эпохи (нищий народ, кровавая гбня...). В картине Рязанова герои — врачи, учителя, инженеры, хотя у них и маленькие зарплаты (а сейчас с медициной и образованием у нас как?), свободные люди. У советских бюджетников 70-х была возможность для головокружительных романтических безумств, не говоря уж об образовании и скромной, но достойной жизни, в которой не в деньгах счастье. И герои 50-х в традиционно новогодних «Покровских воротах» тоже, в общем, счастливые люди, живущие, кроме всего прочего, насыщенной духовной жизнью. И где невыносимый гнёт проклятого тоталитаризма? Или кто считает, что это — живые фильмы, агитки? И почему до сих пор не снят хороший фильм про благородных диссидентов и бескорыстных младореформаторов?

А если сравнивать советские телешедевры с нынешними? Высказанные претензии к первым — чепуха в сравнении с эстетическим шоком, когда встать с «Иронией» смотришь «Жмурки» (их тоже нам «подарили» в новогодние каникулы). Или ещё одна петарда под ёлку: «Стиляги». Здесь народ, который в 50-е учился, самоотверженно вкалывал, осуществляя модернизационный прорыв, предстал серой, тупой, агрессивной массой, а пример для подражания — белый и пушистый стилига, расставший чёрного «сына», которого ему родила жена от неизвестного американского друга. Бред. Интересно, готов ли Михаил Прохоров, финансирующий «Стиляг», повторить этот беспримёрный подвиг?

Поразительно также, чем глуже Штаты и Евросоюз погружаются в кризис, тем в нашем телекино выше градус «низкопоклонства перед Западом». В отечественных фильмах — бессмысленное самоубийственное молчание, а героико-патриотическая тема звучит только в голливудских боевиках, особенно любимых Первым каналом...

На самом вершине несколько лет назад было сказано, что у нас самое лучшее в мире телевидение... Конечно, по части «развлекалова» оно в высшей степени креативно, а главное, коммерчески чрезвычайно успешное... Одна беда, вредное.

Не только для детей. ТВ дискредитирует власть и государство. Нет, в новостных и аналитических программах первых лиц показываются большей частью очень уважительно, но каков телеконтекст, бульон, в котором плавает главный политический продукт?! Тухлый. Ящик плывёт в прошлое и расстреляет будущее. Каналы, сражаясь за рекламные деньги, опускаются всё ниже и ниже. Кровь, грязь, мразь, ржачка, жрачка...

Даже самое доброкачественное мясо, побывавшее в помойном ведре, всё есть не захотите, так же как сто раз поморщитесь, прежде чем поднять айпад, упавший в навозную жижу.

Интересно, удалось ли президенту посмотреть компактны «Комеди Клуба», подаренные ему их резидентами в президентской библиотеке? И понять, какой урон авторитету власти нанесла эта встреча в Кремле, многократно показанная ящику? Удалось ли понять также, почему телебояре, сняв вертушку, не бухаются на колени: «Отца родного, вели казнить, но не вели так часто пускать в эфир тандемные лыжные спуски, рыбную ловлю, бадминтон и прочую гламурную самодетельность — народ у нас тёмный, патерналистский, сперва смеяться будет, потом чего доброго...»

Скорее всего, удалось, так как президент и премьер перед Новым годом сделали нам подарок: заговорили наконец о необходимости перемен на ТВ.

Александр КОНДРАШОВ

ТЕЛЕРЕФОРМА

Схема Федотова. Россия в опасности

Президент высказался о необходимости создания Общественного телевидения (ОТ). Очень важная инициатива, но то, что за ней последовало, крайне озадачило.

Автором закона об ОТ является, как он сам рассказал в эфире «Вестей ФМ», председатель Совета при президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека Михаил Федотов. Он представил «простую схему» того, на базе какого канала и как предполагается создать ОТ. На базе ВГТРК! Из аббревиатуры убирается лишняя буква «Г». То есть огромный медиахолдинг перестаёт быть государственным и превращается в автономную некоммерческую организацию. Собственно общественный канал будет на месте канала «Россия». Не Первого, который уже достал своей гламурной патологией, не развязного НТВ, где НТВшники в пароксизме креатива сумели свести к абсурду саму идею политической дискуссии...

То есть бывший министр печати ельцинского правительства Михаил Александрович Федотов предлагает уничтожить наименее либеральный, наиболее пророссийский и культурный

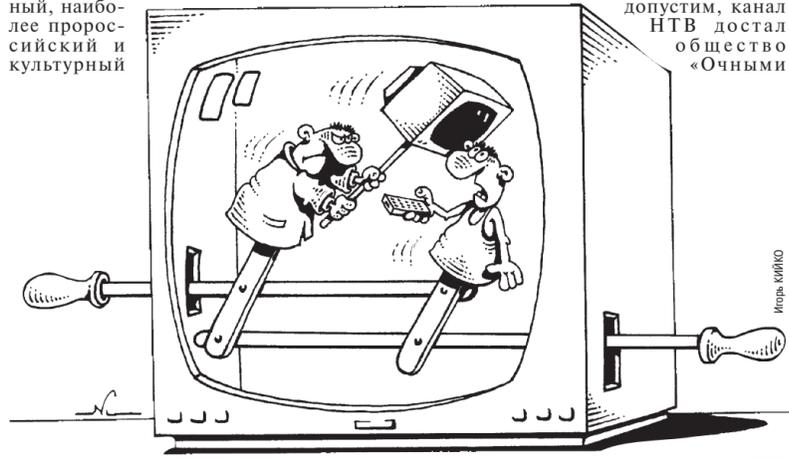
рекламы, но... Все остальные каналы потирают руки до кровавых мозолей — чудесным образом огромные рекламные деньги «России» достанутся им. И тут ещё одна опасность: общественный канал безусловно будет связан моральными, этическими, художественными ограничениями и по скромности, скорее всего, будет проигрывать другим каналам. И тогда кому он нужен? Во Франции Саркози убрал рекламу с каналов ОТ в детское время, но связанные с этим потери им компенсировал за счёт увеличения налога на частные каналы. Кстати, почему бы не воспользоваться этим опытом? У нас ни о чём подобном даже речи нет, налицо пока просто изысканный план захвата «России» и фактически приватизации ВГТРК. Ну как не вспомнить ОРТ и Березовского?

Результаты думских выборов очевидным образом свидетельствуют о крахе либерально-компрадор-

Есть ли у государства и общества рычаги влияния на отечественное телевидение? Вы будете смеяться, но есть, главное — захотеть. И кадровые решения, и штрафы, если преодолеть глобозеранное лобби в Думе и перенять опыт общественных советов в той же Франции, а также...

Согласно указу президента Д.А. Медведева № 637 от 24 мая 2011 года в связи с цифровизацией определены следующие общероссийские обязательные общедоступные телеканалы: Первый, «Россия», «Россия-2», НТВ, 5 канал, «Культура», «Россия-24», «Карусель». Названные каналы получили таким образом колоссальные преференции, так как доставка их сигнала субсидируется государством, эти каналы гарантированно и бесплатно будут доступны максимальному количеству зрителей по всей стране, что крайне привлекательно для рекламодателей.

А почему именно эти каналы? И почему не может быть ротации? Если, допустим, канал НТВ достал общество «Очными

Вадим ПОПОВ

* Подробнее о новом цикле Игоря Волгина в одном из ближайших номеров.

ТЕЛЕЮБИЛЕЙ

Служение народу

В конце прошлого года отменила свой юбилей Любовь Терехова. Сорок лет она проработала на телевизионном комментатором, корреспондентом, ведущей в таких популярных программах, как «Сельский час», «Крестьянский вопрос», «Вот моя деревня», музыкальной программе «Завалинка». Именно в этом качестве — «чернокопаче эфира», на которых и держалось когда-то всё наше телевидение, многие и знают Любовь Владимировну.

Однако она ещё и замечательный поэт, член Союза писателей, автор нескольких стихотворных сборников. Её пронзительные гражданские и духовные стихи никого не могут оставить равнодушными. В этом мы не раз убеждались во время её выступлений, глядя, как слушатели порой не могут сдержать слёз — будь то в зале Церковных соборов храма Христа Спасителя или в маленьком сельском клубе на Белгородчине.

Любовь Терехова очень много ездит по стране с благотворительными выступлениями. Благо, что в наше отнюдь не поэтическое время она оказалась так востребована! Она выступала на Соловках, перед шахтёрами Кузбасса, хлеборобами Алтая, принимала участие в традиционной «Рубцовской осени» в Волгограде...

Мы, её коллеги, воспринимаем это как подвижническое служение народу. Она истинная народная поэтесса по происхождению, по жизненной позиции и даже по лексике. Помните, как у Твардовского: «Вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке...»

Татьяна СУДЕЦ, заслуженная артистка России, президент фонда «Русская традиция»

канал, который пытается отстаивать государственные интересы России. В смысле «развлекалова», к сожалению, канал такой же, как и все, но здесь в отличие от других экранизирует русскую классику (о сериалах по Достоевскому, Булгакову, Солженицыну и др. мы много раз писали), происходят самые острые и открытые дискуссии («Исторический процесс», «Поединок...»), идут исторические сериалы (от «Раскола» до «Ликвидации»), замечательные документальные проекты, касающиеся и давней, и новейшей истории страны. Видимо, «Россия» не по душе уважаемым членам совета Федотова, Алексеевой, Юргенсу, Орешкину, Ясиной, Паину, Амбинлеру, Караганову и другим, и можно себе представить, что за канал появится на месте «России», если «простая схема» начнёт действовать — всё будет как при «дедушке».

Далее. Формировать попечительский совет ОТ (75 человек), по версии Федотова, будет из представителей общественных организаций (каких, кто их определит?) при помощи интернет-голосования! Право голосовать получат только те, кто захочет платить за ОТ ежемесячно 46 рублей (компьютеры есть не в каждой семье, то есть правозащитники равнодушно отмахиваются от прав бедных). А «в качестве счётчиков будет выступать»... этот же Совет по правам. Ключевой вопрос: кто фактически будет управлять каналом? Непонятно. Вообще-то не грех, чтобы не наломать дров, «потренироваться» на каком-нибудь десятиметровом канале, а может быть, цель именно в том, чтобы именно наломать дров и захватить огромную государственную собственность ВГТРК на манер «благословенных 90-х»?

Хорошо (в концепции Федотова) только одно: на ОТ не будет

скового тренда, даже на митингах решимость «брать Кремль и Белый дом» показали не Касьянов с Немцовым (электоральный предел которых 2%), а левые, социалисты, коммунисты, националисты... Но почему власть идёт на уступки тем, кто эту компрадорщину в России насаждал в 90-е?

Однако вернёмся к телепеременам. Об их необходимости говорил и премьер. После жёсткого заявления Станислава Говорухина о ТВ, которое «калечит наших детей», премьер заговорил по существу: «К сожалению, у нас философия телевидения выстроена на получении доходов от рекламы, и от этого трудно оторваться, но надо что-то делать». Совершенно верно, надо что-то делать именно с «философией». Планы же с Общественным телевидением, особенно в том виде, как они предложены М.А. Федотовым, уводят в сторону и губят идею реформирования ТВ на корню. Общественным — в смысле служения обществу должно быть всё телевидение, находящееся в открытом доступе.

Оно у нас, несмотря на государственное участие в большинстве главных каналов, по сути, частное. ТВ — всего лишь бизнес, как говорят сами телепродюсеры, этакий супермаркет, который продаёт свой товар зрителям — а кто отвечает за то, чтобы продавцы не сбывали покупателям дешёвку-гниль? Никто. Идите в суд, если чем-то недовольны, — говорят телемагнаты, но мы уже всё знаем про «пыль глотать» — каналу ТНТ при могучей поддержке «Газпром-медиа» удалось в судах отстоять даже публичный «Дом-2». За годы «свободы слова» производители контента законесли в поклонники только одному богу — рейтингу, похоже, что делать нормальное телевидение совершенно разучились.

Оно у нас, несмотря на государственное участие в большинстве главных каналов, по сути, частное. ТВ — всего лишь бизнес, как говорят сами телепродюсеры, этакий супермаркет, который продаёт свой товар зрителям — а кто отвечает за то, чтобы продавцы не сбывали покупателям дешёвку-гниль? Никто. Идите в суд, если чем-то недовольны, — говорят телемагнаты, но мы уже всё знаем про «пыль глотать» — каналу ТНТ при могучей поддержке «Газпром-медиа» удалось в судах отстоять даже публичный «Дом-2». За годы «свободы слова» производители контента законесли в поклонники только одному богу — рейтингу, похоже, что делать нормальное телевидение совершенно разучились.

Оно у нас, несмотря на государственное участие в большинстве главных каналов, по сути, частное. ТВ — всего лишь бизнес, как говорят сами телепродюсеры, этакий супермаркет, который продаёт свой товар зрителям — а кто отвечает за то, чтобы продавцы не сбывали покупателям дешёвку-гниль? Никто. Идите в суд, если чем-то недовольны, — говорят телемагнаты, но мы уже всё знаем про «пыль глотать» — каналу ТНТ при могучей поддержке «Газпром-медиа» удалось в судах отстоять даже публичный «Дом-2». За годы «свободы слова» производители контента законесли в поклонники только одному богу — рейтингу, похоже, что делать нормальное телевидение совершенно разучились.

Кроме шуток, Россия в опасности.

Новый год на Цветном бульваре

Длинный коридор четвёртого этажа здания «Литературки» на Цветном бульваре всё прямо в наборный цех — в декабре 1966 года в редакции «ЛГ» это была настоящая «горячая линия». Из приёмной Чака и Сыра отгиски полос, как стаи белых птиц, летели в секретариат, а оттуда — с размахистой визой Горбунова — приземлялись на столе нашего метра Лью Гаврилова.

Сколько версий новой газеты «выпек» в декабре наборный цех — десять, пятнадцать, двадцать? Думаю, не меньше — по крайней мере три из них сохранились с той поры в моём личном архиве.

Призванный под знамёна «Литгазеты», в ноябре 1966 года я присоединился к команде, которая с Чистопрудного бульвара (дома издательства «Московская правда») дружно переехала на Цветной — вслед за Виталием Сырокомским и Валерием Горбуновым. По существу они, первый зам. главного и ответственный секретарь, возглавили штаб по запуску новой газеты. Одновременно, три раза в неделю, продолжала выходить и старая «Литературка». В её последнем номере, отпечатанном в конце декабря, сообщалось: следующий выпуск «ЛГ» — 4 января 1967 года.

Выходит по средам, на 16 полосах, в двух «тетрадах», литературной и общественно-политической, — пожалуй, вот что было известно всем, кто работал тогда в редакции. Никто, даже сам А.Б. Чаковский, не знал, что же точно войдёт в первый «толстый» номер — практически ежедневно менялось не только содержание, но и внешний облик газеты.

Вот такой, например, выпуск, отпечатанный на бледно-розовой бумаге, с грифом «для служебного пользования», сейчас лежит передо мной. Перелистаем его страницы — на двух колонках первой литературной тетрадки читаю новогодние размышления Льва Успенского, автора книги «Слова о словах». Рядом стихи Александра Яшина и Юнны Морин. Следом — разворот новогодних тостов, 15 писателей из 15 союзных республик выступают под пушкинской «шапкой» «Поднимем бокалы, содвинем их разом! Да здравствуют музы, да здравствует разум!». Здесь же — большая, на полполосы, рассказ Василия Аксёнова «Поэма экстаза». Согласитесь, вполне достойный новогодний набор, каждый из материалов мог бы украсить праздничный выпуск.

Но, как говорится, нет предела для совершенства — поэтому в первом номере на их место встали рассказы Николая Тихонова, отрывок из книги Корнея Чуковского, стихи Александра Твардовского, Расула Гамзатова, Сергея Орлова, Ираклия Абашидзе, Самуила Маршака, статьи Эдуарда Межелайтиса, а также диалог поэта Николая Грибачёва и критика Александра Дымшица.

Самой «многострадальной», конечно же, оказалась первая полоса новогоднего выпуска — она менялась бесчисленное количество раз. «Лицом» новой газеты занималась едва ли не вся редакция — сюда «заявлялись» стихи и репортажи, письма и карикатуры. Пробные, экспериментальные версии первой полосы то носили «литературный» уклон, то изобиловали иллюстрациями и анонсами, то делали ставку на информацию. Вот, например, рубрики одной из таких полос — «интервью по телефону», «путеводитель по номеру», «статистика», «реферат «ЛГ», «нон-парель».

Хорошо помню, как обсуждался и такой вариант первой страницы, центром которой должен был стать дружеский шарж на Брежнева. «Генсек у ру-

ля мирного парохода, взламывающего льды холодной войны» — рисунок примерно такого содержания редакция хотела заказать Борису Ефимову. Однако предложение как чересчур радикальное было отклонено «в верхах». Тем не менее знаменитый карикатурист всё-таки оставил свой след в новогоднем выпуске, став автором рисованной плашки для фирменной рубрики отдела искусств «Кресло № 13». Пер-

сонаж, сидящий в этом кресле, изображён художником с различными выражениями лица: то мрачное, злое, как в первом номере новой «Литературки», поскольку просмотренный фильм ему не понравился, а то с довольной, сияющей улыбкой, если печатается хвалебная рецензия.

Над первой полосой в ту пору трудился и немало художников, специализирующихся в области газетного дизайна. Запомнилось, например, появление в газете Аркадия Троянкера, ныне признанного лидера в деле оформления книг. Надо сказать, макет номера, выполненный им по нашему заказу, произвёл в редакции впечатление — отличавшийся высоким художественным вкусом, он диктовал жёсткий регламентированный подход к вёрстке. Это касалось не только оформительских элементов, скажем, шрифтов или колонок, но и затрагивало «святыя святых» — содержание: например, размер статей, принципы построения заголовков и анонсирования. Такой макет, скорее, подходил бы для издания журнального типа — еженедельная газета не смогла бы выполнить и половины его строгих требований.

Достаточно тесно сотрудничал с газетой Икар Марголин, до того оформлявший журнал «Советский Союз» — издание, богато иллюстрированное, рассчитанное на зарубеж-

ного читателя. Неслучайно в его макете было много больших фотографий, книжной графики и рисунков, их надо было размещать за счёт текста, что, естественно, не поддерживало редакцию. Вместе с тем некоторые идеи этого макета нашли применение в 16-полосной «Литературке», особенно в то время, когда Марголин в течение нескольких месяцев был её главным художником.

Жаркие сражения велись и за место на другой половине новой газеты. Наиболее острая конкуренция разворачивалась вокруг 9-й полосы — как-никак она открывала вторую тетрадку. За неё отчаянно бились общественно-политические отделы «ЛГ». Поначалу успех сопутствовал «науке», но в конце концов победил иностранный отдел, выпустивший целую страничку уникальной по тем временам информации. Её буквально по крупницам собирал Анатолий Куров, главный автор и организатор полосы «Семь дней в январе», которую он назвал в духе популярного в то время романа «Семь дней в мае».

Страстными, креативными, как бы сегодня сказали, газетчиками зарекомендовали себя в ходе вёрстки первого номера такие журналистские зубры, как Анатолий Рубинов и Александр Левиков, Соломон Смоляничский и Ростислав Поспелов, Константин Серебряков и Владимир Михайлов. Большая нагрузка выпала и на отдел иллюстрации, в штате которого служили известные фотомастера — Михаил Трахман и Лев Нисневич. Благодаря стараниям этого отдела в первом номере напечатан рисунок Эрнста Неизвестного, ставшего впоследствии постоянным автором «ЛГ».

Особые ожидания новая газета связывала с отделом юмора. «Администрация клуба 12 стульев» — как сразу же назвали себя Виктор Веселовский и его зам Илья Сулов — в неравной борьбе с куратором отдела А.С. Тертерьяном билась буквально за каждое слово, за каждую эпиграмму, за каждое объявление в стенгазете «Рога и копыта». Получив достаточно быстро постоянную «прописку» на 16-й странице, полоса юмора, как ни странно, почти не претерпела изменений в ходе декабрьских перестрелок — статья Марка Розовского, его же «Бурный поток», рассказ Григория Горина, а также «Рога и копыта», выдержав испытание пробными номерами, благополучно дошли до читателей первого номера. Не будем сегодня забывать, какие великие имена вышли из «шинели» этого клуба в минувшие годы!

Конечно же, не одни юмористы обязаны своей славе новой «Литературке». С первых номеров 1967 года на страницах «ЛГ» засверкали такие писательские звёзды, как Леонид Жуковичский, Евгений Добровольский, Евгений Богат, Аркадий Ваксберг, Алла Латынина.

Вспомним наконец всех, кому 45 лет назад довелось работать в тогдашней редакции на Цветном бульваре, участвовать в выпуске первого номера новой «Литературной газеты». День её выхода в свет, 4 января 1967 года, был не просто фактом их биографии — стал общественным событием в жизни огромной страны.

Юрий СИНЯКОВ, заместитель ответственного секретаря «ЛГ» в 1966–1973 гг.

Он был автором первого номера

В ноябре, теперь уже прошлого года, просматривая первый номер «толстой» газеты, юбилей которой мы собрался отметить, обнаружили среди, увы, немногих остающихся в строю авторов того давнего выпуска нашего сибирского собора Илью Фоянкова. Он работал в «ЛГ» и до 1967 года, в старой ещё команде, и, конечно, помнил, как проходила в газете смена направления, приоритетов, как воспринимались новые требования — в общем, всю ту атмосферу, которая сопровождала ломку привычных стереотипов. Я позвонил в Петербург (после Сибири известный поэт и публицист Фоянков многие годы работал собственным корреспондентом «ЛГ» по Ленинграду и Северо-Западу) и предложил Илье написать небольшую очерк-воспоминание в юбилейный номер. Он сказал, что предложение интересное, даже лестное, но обещать твёрдо сейчас не может, неважно себя чувствует, болен...

Спустя несколько дней по Интернету я получил от него письмо:

СОНЕТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

*О «Литгазета» времени расцвета!
Шесть миллионов — разовый тираж.
Свой дом в Гурьинше, собственный гараж,
Корреспонденты — в каждой части света.
В тиши редакторского кабинета
Запис на строчкой чуткий карандаш:
Редактор Чак — политик, строгий страж
Коммунистического этикета.
И всё-таки в любой статье — намёк!
Считается будущее между строк.
Какие нестандартные подходы!
Какие безоглядные умы!
Та предсвобода, что милей свободы,
С которой всё не разберётся мы.
90-е годы*

Дорогой Володя! Несколько часов прокручивал в голове: что могу написать к 45-летию юбилею? Ничего особенно свежего не придумал. Архив свой, включая газетные вырезки, некоторое время назад сдал в госархив литературы и искусства в их настоящее, так что мне он сейчас недоступен. Буду думать ещё. А пока — передаю стихок, о котором говорил тебе. Мне кажется, он довольно точно передаёт ситуацию. Твой Илья.

Я поблагодарил, сказал, что хорошо бы ещё получить и «прозу». Решил перед Новым годом напомнить, что сроки поджимают... И вдруг — в понедельник, 26 декабря, в редакцию приходит из Питера сообщение о смерти Фоянкова. В спешке мы поставили в уже свёрстанную полосу некролог...

Вместо того что мог бы написать Илья, приходится публиковать лишь это. Ещё одного автора легендарного первого номера не стало.

Владимир БОНЧ-БРУЕВИЧ

«Драма на озере Вуокса»: сорок один год спустя

Есть расхожее выражение: газета живёт один день. Применительно к еженедельнику, видимо, надо считать, что этот срок увеличивается до семи дней. Но жизнь опровергает и это.

Недавно в «ЛГ» появилась съёмочная группа программы НТВ «Следствие вели...» с Леонидом Каневским. Что же интересовало бывшего майора Томина в редакционной библиотеке? Как выяснилось, подшивки, подшивки, подшивки наша подшивка за 1970 год. Точнее, очерк нашего автора Ольги Чайковской «Драма на озере Вуокса». Оказалось, что давнее исследование дела В. Томина, которому было предъявлено обвинение в убийстве жены, не забыто. Увы, была допущена ошибка, переоценили признание обвиняемым своей вины. И через 41 год (!) телевидение вернулось к этой истории.

КНИЖНЫЙ РЯД

Заговор жрецов

Книгу Э. Макаревича и О. Карпухи на «Последний бастион». Глобальная культура коммуникаций мне посчастливилось прочитать во время выборов в Государственную Думу. Всем известно, чем эти выборы завершились. До сих пор наше общество находится в состоянии осознания произошедшего. Митинги и акции протеста прокатились по всей стране. И ведь это не случайность, и всему есть научное объяснение. Тем, кто действительно хотел бы разобраться в механизмах управления обществом и в других, ещё более серьёзных процессах, поможет эта книга. Ведь, как известно, любая ситуация, тем более та, которая касается судьбы твоей страны, требует изучения. Ещё Фрэнсис Бэкон говорил: «Знание — сила». Именно этой силы и не хватает нашему обществу.

Стоит отметить, что книга хоть и научно-популярная, но написана очень хорошим и понятным языком. Позиция авторов имеет большую степень свободы. Это видно уже по тому, как они понимают силу массовых коммуникаций. Эта сила в культуре. Авторы выбрали Эммануэля Канта как научного авторитета для своей концепции. Этот немецкий философ актуален, как никогда, своим видением культуры, которая есть культура умений и культура воспитания человека. Сегодня культура умений — это «культура производства», «культура бизнеса», «культура войны» и много ещё чего огульного — превзошла культуру нравственную. Культура технологий пожирает в XXI веке культуру духа. Ей, культуре умений, то есть технологий, помощником в этом стал рынок.

Рынок ею управляет, чтобы делать деньги, чего не могла культура нравственная. И навязавший в зубах постмодернизм явился прибежищем прежде всего технологичного инструментального знания, где дух ничто и смысл ничто. Оказывается, на ниве постмодерна и произошло глобальное информационное массовое общество с господством в нём купли-продажи, безграничной стоимости и скорости оборачиваемости капитала.

И тогда теоретики, да и практики заговорили о гуманитарном сопротивлении такому обществу. И, конечно, вспомнили о претечке. Авторы рассказывают о пионерах гуманитарного сопротивления общественной системе, чьи идеи никак не устарели для нынешнего времени. Это профессор Иван Ильин, любимец наших либералов, с его теорией «сопротивления злу силою» и мечом, что, оказывается, совсем не грех. Это профессор Владимир Поремский с его «молекулярной» теорией про то, что структура подпольной организации не столь важна, когда люди ориентированы на идею и, не зная друг друга, готовы к единым действиям. Именно эта теория привлекла американцев, когда они отказались в начале 50-х годов прошлого века от ядерного удара по Советскому Союзу и искали технологии, чтобы разорвать СССР изнутри.

Ох уж эти гарвардские профессора с их тягой к научному анализу всяческих ударов. Но, может, они и спасли Советский Союз, когда решили высказать мнение тех советских граждан, что находились после войны в лагерях перемещённых лиц в Германии, о том, стоит ли свергать сталинский режим.

Э. Макаревич, О. Карпухин. **Последний бастион.** — М.: Дрофа, 2011. — 430 с. — 1000 экз.

Вопрос в анкете был незатейлив: «Поддерживаете ли вы мысль о сбрасывании как раз теперь атомной бомбы на Москву с тем, чтобы уничтожить большевистских вождей, даже хотя это означает убийство тысяч невинных мужчин, женщин и детей? (Отметить одно: а) Да, бомба должна быть сброшена на Москву теперь. б) Бомба должна быть сброшена только как последнее средство, после того как всё иное не приведёт к результату. в) Нет, бомба не должна быть сброшена на Москву».

В книге авторы приводят большинство вопросов из социологической анкеты, по которой опрашивали людей в рамках так называемого Гарвардского проекта. Занимательная анкета. Но разочарование результатами опроса, по крайней мере для «ядерных» генералов, было полным. Советские граждане оказались не только не настроены на противоядие власти и социализму, а наоборот, готовы были поддержать тоталитарное государство. А молодёжь так вообще была настроена более просоветски, чем старшее поколение.

И тогда гарвардские профессора придумали, как повлиять без бомбы на советских граждан. Их идея для гуманитарного сопротивления режиму была проста и тем сильна: «развивать духовные ценности, моральные и этические концепции советского народа, особенно русских, и установив

идентичность этих ценностей ценностям свободного мира, указав при этом, что великий советский народ и его правительство несовместимы». По этой концепции, проистекающей из теории Поремского, американцы работали вплоть до пришествия Горбачёва, утверждают авторы.

СССР был экспериментальным полем гуманитарного сопротивления, скорее, попыткой его. А вот истинное гуманитарное сопротивление понадобилось, когда пришла эра глобализации. Именно тогда настал час теории Мануэля Кастельса, мыслителя из Испании, нашедшего себя в США, — «самобытное сопротивление» постмодернистскому обществу. Это значит, что глобальными сетевыми системам, культуре «виртуальной реальности», технологиям ради технологий, безграничной свободе денег, порождающей кризисы, противопоставить различные сообщества людей, защищающих свой мир, дорожащих своей исторической памятью, утверждающих свои ценности. Такая «самобытность» неплющит сознание, да и душу тоже.

Самое интересное, что оружием «самобытного сопротивления» становится глобальная культура коммуникаций. Потому как она впитывает опыт сопротивления от профессоров умов, принадлежащих разным эпохам, историческую память, новые коммуникационные технологии, традиционные ценности (Бог, нация, семья) и, наконец, производством смыслов. А смыслы всё больше крепнут вокруг идеи жизни, идеи развития, идеи личности.

Авторы книги увидели «самобытность» сопротивления в обращении к титанам духа. Русская культура явила такой титанизм в личности Александра Сергеевича Пушкина, к которому так холодно современная российская школа. Восприятие Пушкина как творца русского Ренессанса, сократившего как минимум на столетие отставание от европейской цивилизации, рождает мощный

смысл и стимул для гуманитарного сопротивления, опирающегося на сущность русской души — суверенность созидательной личности, способной преодолевать противоречия, обогатить мирские страсти. Открываются новые возможности для развития российского человека, образа России в мире.

Культура коммуникаций жаждет впечатляющих образов. СССР проиграл холодную войну в том числе и потому, что Запад рождал и использовал впечатляющие образы — «железный занавес», «империя зла», «свободный мир», «права человека». А язык сопротивления Советского Союза был бледным убогими выражениями, такими как «безродный космополит», «загнивающий Запад», «американский империализм». Да и могло ли быть иначе, если производством образов занимались не интеллектуалы-гуманитарии, а партийные пропагандисты. Тысяча пропагандистов не заменят одного Достоевского.

Авторы ведут читателя к пониманию того, что яркий образ держится на устойчивом смысле. Смысл, как идея, организует образ. Поэтому он способен как на сопротивление, так и на экспансию. Дефицит таких образов — гибель для общества. И перспективнее народ, что идёт по вселенскому полю без смысла и образа.

И всё же, почему книга называется «Последний бастион»? А потому, что в гуманитарном сопротивлении, как и в гуманитарной экспансии, главные творцы не политики и генералы, а создатели смыслов и образов и люди, способные донести эти смыслы и образы до общества. Авторы называют их мудрецами и жрецами. Если они сегодня объединятся во благо человечества, то их союз и станет последним бастионом сопротивления экспансии разрушителей духовных и нравственных ценностей.

Иван ЕРЁМЕНКО

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ...

Жизнь заморская, филиппинская

Фото автора

Путешествия – моя страсть. Люблю открывать новые страны и города. А увлечение дайвингом в поиске новых мест для ныряния заводит меня во всё более удалённые от России уголки. Недавно я оказалась на Филиппинах.

С тех пор, как в далёком XIV веке Фернан Магеллан впервые высадился на филиппинскую землю, открыв для европейцев этот архипелаг, здесь многое изменилось – теперь попасть сюда гораздо проще, да и гостить на островах значительно приятнее.

Летели мы до Манилы с пересадкой в Гонконге в весёлой компании московского аквакула «Лужники», так что перелёт не был тяжёлым. Манила встретила жарой и шум-

ным многолюдьем. Что скажешь – столица! Дорога наша лежала к морю, и с самого начала пути мы заметили, что правила дорожного движения если и существуют, то мало кем соблюдаются. Необычным показался местный общественный транспорт – «Джипни» – яркие машинки чуть больше наших маршруток. Филиппинские девушки прятались под зонтиками от солнца, школьники спешили по домам, продавцы в многочисленных лавочках предлагали свой нехитрый товар – всё казалось необыкновенным.

В столице не задержались – жили мы, не считая недельного ухода в море, близ городка Сабанг. Городок небольшой, но бойкий – отели, дайв-центры, магазинчики, рестораны, дискотеки. Филиппинцы показались мне достаточно дружелюбными, практически всё население неплохо говорит на английском. И взрослые, и дети не упускают воз-

можности перекинуться парой слов с приезжими.

Южно-Китайское море оказалось удивительно тёплым – даже на глубине 30 метров температура воды – не ниже 28 градусов. Подводный мир Филиппин приятно порадовал: кроме различных рыб и кораллов встречались черепахи, змеи, акулы, барракуды, мурены, голожаберные моллюски и прочие подводные обитатели. Здесь я впервые увидела морского конька – задумчивое, изящное существо. Кроме того, мы подплывали к затонувшим японским кораблям времён Второй мировой войны длиной от 30 до 140 метров. Иногда встречали японских дайверов – кто-то с любопытством рассматривал, кто-то что-то искал на этих, ставших частью моря судах.

Вдоволь налюбовавшись подводными пейзажами, мы стали исследовать остров Миндоро и отправились на водопады Тукурэн. Сначала

ехали на машинах, а потом пересели на тележки, запряжённые волами, – при виде такого транспорта в голове пронеслись кадры из мультфильма «Маугли», когда человеческий детёныш летел на буйволе, держась за огромные рога. На обратном пути мы заметили висячий мост и, решив по нему прогуляться, попали в самую настоящую филиппинскую деревню. Жители смотрели на нас с удивлением, но вопросов не задавали, ничего не просили и купить не предлагали. Сразу бросилось в глаза, что на улицах очень много детей разных возрастов. Они весело играли – кто в прятки, кто в футбол, кто в догонялки, совершенно не обращая на нас внимания. Казалось бы, другой, далёкий континент, а игры такие же, как у нас.

Так незаметно пришло время возвращаться в Москву, которая встретила нас снегом и новогодними ёлками.

Светлана ХРОМОВА

КНИЖНЫЙ РЯД

Тогда деревья были большими

А ведь это было совсем недавно. Очереди у киосков в конце рабочего дня, шуршащие газетными страницами в переполненных вагонах метро, спешащие к подъездам – тогда ещё без замков и кодов – почтальоны. И везде «Вечерняя Москва», в те годы действительно выходящая вечером. Самое популярное столичное издание, читать которое было делом привычным, потому что там недельные заметки

– диктат горкома и Моссовета, лужковские времена, когда газету бездарно содержал один столичный банк! А вспоминают чаще легендарного Семёна Давыдовича. И любимые многими акции «Вечёрки» – к примеру, легкоатлетическую эстафету, открывавшую в начале мая сезон.

С любовью и уважением написали о нём Юрий Изюмов и Герман Бройдо, Татьяна Харламова и Наталья Зайцева, мой давний друг Александр Кузнецов – увы, покойный, Борис и Михаил Румеры. Теперь уже совсем взрослый впуск, заокеанский сбор одной из престижных газет Дмитрий Сидоров, прислал искренние строки про знаменитого деда.

Его знала вся Москва. – М.: ПРОБЕЛ-2000. – 256 с. – 150 экз.

В общем, тогда деревья были большими, а «Вечёрку» долгие годы редактировал С.Д. Индурский. Прав составил скромной книги (как он её сам представляет) Евгений Сидоров: Индурского без преувеличения знала вся Москва. Фамилия эта легко рифмовалась с почти домашним, уютным обликом газеты, тиражу и влиянию которой завидовали издаваемые центральные. Строчка «Редактор С.Д. Индурский», как правило, была в правом углу третьей полосы, а на четвёртой – непрерывные объявления, которые приносили партии («Вечёрка» – газета горкома) немалые деньги.

Семён Давыдович руководил газетой более 20 лет, а стать редактором ему невольно помогла «Литературная газета». Именно в неё заместителем к Александру Чаковскому перешёл Виталий Сырокомский, чтобы из обычного писательского органа сделать самый популярный еженедельник страны. Вместе с молодыми тогда Толями – Салуцким и Рубиновым... Так бессменный заместитель, начинавший когда-то курьером, стал главным в «Вечёрке». Правда, тогда он назывался просто редактором.

Его уже нет почти четверть века. Сколько главных сменилось за это время (только Александру Лисину довелось десять лет выдержать

память – коварная вещь. Она склонна к забвениям и преувеличениям. Хорошо, что в случае Индурского это не так.

Ещё раз соглашусь с Евгением Сидоровым: «Его знала вся Москва» – это не просто книга, это история. Она и сегодня читается с интересом. И удивление информационно насыщенной. Всегда считалось, что ни одно издание, кроме родной «ЛГ», так впрямую не связано с литературой. Вынужден признать – в чём-то «ВМ» могла с нами и посостязаться. Репортажи для неё писали Валентин Катаев, Юрий Олеша... Владимир Маяковский признавался: «Славу писателю делает «Вечёрка»».

Ещё раз соглашусь с Евгением Сидоровым: «Его знала вся Москва» – это не просто книга, это история. Она и сегодня читается с интересом. И удивление информационно насыщенной. Всегда считалось, что ни одно издание, кроме родной «ЛГ», так впрямую не связано с литературой. Вынужден признать – в чём-то «ВМ» могла с нами и посостязаться. Репортажи для неё писали Валентин Катаев, Юрий Олеша... Владимир Маяковский признавался: «Славу писателю делает «Вечёрка»».

Его уже нет почти четверть века. Сколько главных сменилось за это время (только Александру Лисину довелось десять лет выдержать

Леонид КОЛПАКОВ

КОЛЛЕГИ

Богаты ли мы?

Любопытные цифры были приведены на первом в этом сезоне заседании Московского пресс-клуба Центрального дома работников искусств. В занимательном рассказе о различных путях-дорогах главный редактор одной из столичных газет Юрий Верещагин привёл такой пример благосостояния: в США на одного человека приходится 2,6 километра дорог, в Европе – более шести километров, в России же – 463 метра. Всего!

А по состоянию дорог во всём мире судят, насколько развито то или иное государство.

С рассказами о своих «дорогах» выступили на том заседании журналист Владимир Бонч-Бруевич, дипломат и писатель Олег Пересыпкин, а также гости клуба – заслуженный артист России Александр Павлов, пианист Александр Свешников, певцы Тимур Иванейшвили (США) и Андрей Крамаренко.

Состоялся творческий отчёт члена пресс-клуба писателя Георгия Миронова, на котором были представлены не только новые книги автора, но и выставка живописных работ, созданных в своеобразном стиле «неопримиализма».

Чрезвычайный и полномочный посол СССР и России Олег

Пересыпкин, автор многих научных трудов по Арабскому Востоку, издал интересную книгу «Русская Палестина», разговор о которой также шёл на заседании пресс-клуба. В обсуждении приняли участие дипломаты-послы Павел Аюпов, Виктор Журавлёв, Иван Сергеев.

Объявлены лауреаты премии имени Вл. Маяковского. Ими стали поэт Сергей Дмитриев, кинопродюсер, руководитель творческой мастерской «Юкон» («Мосфильм») Юрий Коновалов, главный редактор газеты «Слово» Виктор Линник.

Вёл заседание заслуженный деятель искусств России прозаик Валерий Поволоев.

Марина ЗАВАРУЕВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА представляет: **КНИЖНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ**

Узнай все тайны первым!

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Новый том – в продаже каждую среду!

Соберите всю коллекцию из 45 томов!

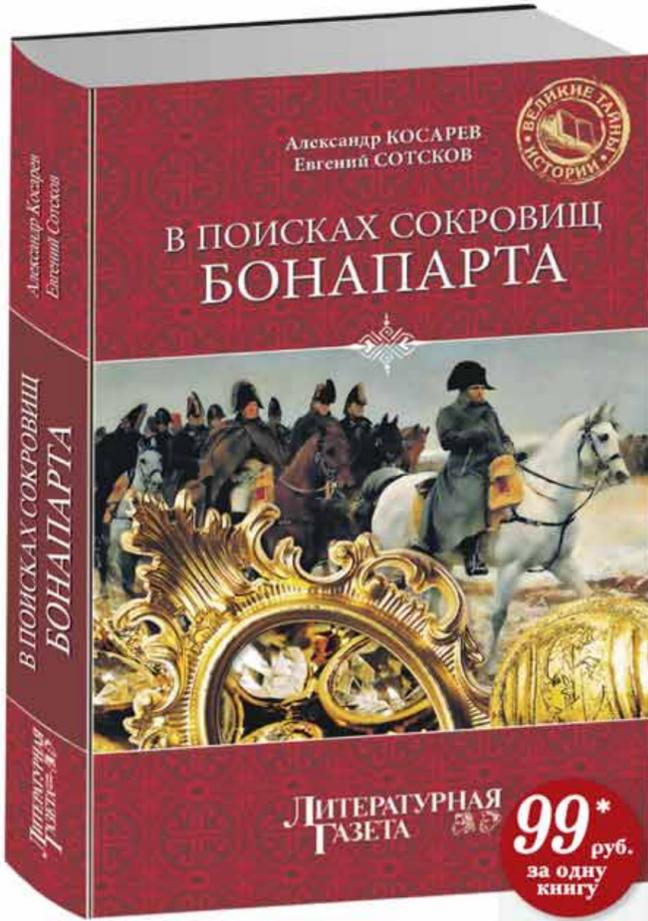
Подробности на www.lgz.ru

Дорогие читатели,

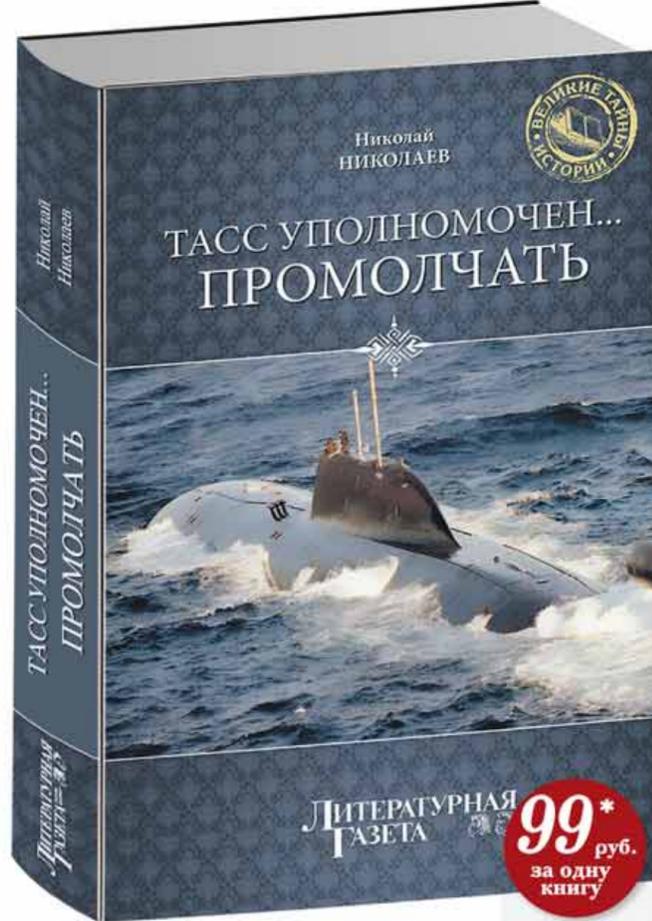
если вы не успели купить нужный вам том в киосках печати, то вы можете приобрести его в редакции «Литературной газеты» по адресу:

Москва, Хохловский пер., д. 10, стр. 6.

Телефон для справок: +7 (499) 788-01-12

с 18 января

с 25 января

*Рекомендуемая цена во всех киосках печати Москвы и Московской области

ПРАВО

Охота на адвокатов

Возмутительный и симптоматичный случай произошёл несколько месяцев назад в Туле. Зареченский районный суд вынес адвокату Юлии Печуриной, матери несовершеннолетнего ребёнка, приговор, который и убийцам назначают не всегда, — 9 лет лишения свободы!.. 2 года по ч. 1 ст. 112 УК («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью») и — 8 лет по ч. 4 ст. 160 УК («Присвоение или растрата в особо крупном размере»), по совокупности 9 лет.

Что только в жизни не случается. Бывает, и судьи, и прокуроры, уж не говоря про каких-нибудь депутатов и губернаторов, на скамье подсудимых оказываются, а тут — адвокат. Ну, начудила, вот и получила, не просто же так, наверное. И тем не менее дело Печуриной, смею утверждать, необычно.

Большинство доказательств, принятых судом за истину, построено неизвестно на чём. Экспертиза по эпизоду ссоры с соседкой-подружкой, в результате которой у последней якобы было сломано ребро, была проведена спустя несколько дней после события; рентгеновского снимка «сломанного» ребра нет в природе; эксперт, выступавший свидетелем, не имеет сертификата врача-рентгенолога, а врач травматолога, куда обращалась потерпевшая, вообще утверждала в суде, что никаких переломов не было, и т.д. и т.п.

Дело же о «растрате в особо крупном размере» вообще попало в суд после четырёх (!) отказов в возбуждении уголовного дела, поскольку на момент обращения в милицию не существовало никакого акта инвентаризации, не был зафиксирован какой-либо ущерб фирме, не составлены никакие акты вскрытия кабинета Печуриной, нет ни расписок, ни кассовых ордеров, ни каких-либо иных документов, подтверждающих её вину. Инициатор дела, хозяин фирмы, где некогда работала Печурина, только спустя год сумел подготовить часть бумаг, которые суд безоговорочно принял за истинные и на основании которых вынес экзотически несоразмерный приговор.

Тулская общественность бурлит, правозащитники возмущены. Выдвигается множество версий. Прокомментируйте ситуацию я попросил доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста России, президента Гильдии российских адвокатов **Гасана Борисовича Мирзоева**.

— С ситуацией в Туле разбирается один из опытных адвокатов гильдии Владимир Самарин, но дело с преследованием наших коллег, увы, с каждым днём обстоит всё хуже. Согласно отчётам, поступающим в Федеральную адвокатскую палату, количество нарушений прав адвокатов каждые два года удваивается. Огромное число случаев нарушения требований законодательства об обеспечении адвокатской тайны. Сплошь и рядом случаи вмешательства в адвокатскую деятельность и воспрепятствование этой деятельности. Уже обыденными становятся незаконные допросы адвокатов, незаконные обыски в их конторах и жилищах, незаконное проведение оперативных-разыскных мероприятий и т.д. и т.п. Я уже не говорю о том, что вопреки закону должностные лица очень часто отказывают в выдаче документов, необходимых для защиты. Про нападения, избивания и даже убийства адвокатов просто не говорю, о них пресса пишет достаточно.

Уже и сам президент России Дмитрий Анатольевич Медведев, присутствовавший на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека, проходившем 1 февраля 2011 г. в Екатеринбурге, заявил, что «...абсолютно одиозными являются случаи допроса адвоката по тем делам, где этот адвокат выполняет функции защитника», после чего поручил Генеральному прокурору РФ разобраться по всем фактам нарушений. Но воз и ныне там...

Так что тульский приговор адвокату Печуриной, увы, всего лишь печальный эпизод нынешней действительности.

— С чего это вдруг такие напасти на адвокатов? Ведь так всё хорошо начиналось лет двадцать назад. Адвокаты — правозащитники, авангард демократии...

— А то вы не видите, что вокруг происходит! Отношение к адвокатуре — это лакусовая бумажка, с помощью которой можно проверить, есть в стране демократия или нет. Съезжается российская демократия! Не нужен адвокат власти, мешается, зачем ей его защищать. А незащищённый адвокат — это незащищённые граждане. Отсюда и вера в адвокатуру у населения не на высоте. Представьте «достижение» последних лет: мы, адвокаты, потеряли процессуальное право быть спецсубъектами, т.е. если раньше возбуждать уголовное дело против адвоката можно было только с согласия прокурора субъекта Федерации и не иначе, как по решению суда, естественно, то теперь любой замначальника следственного отдела или комитета может возбудить уголовное дело против адвоката. Наше положение в стране значительно ухудшилось. Более того, мы не можем сегодня на это положение никак повлиять.

— Но разве сами адвокаты не «постарались», чтобы уронить свой престиж среди населения? Вы что, никогда не слышали о том, что именно адвокаты стали настоящим передаточным звеном между коррупционерами и судьями?

— Давайте не будем ломиться в открытую дверь и повторять банальные истины. Коррупция касается всех слоёв общества. Скажу вам больше: коррупция разъедает изнутри и наше адвокатское сообщество. Вот живой пример: для поступления в адвокатуру образовалась коррупционная ниша. Раньше экзамены сдавали в коллегии адвокатов, куда человек шёл работать, где он долго стажировался, где его готовили и изучали его личные моральные качества. Сейчас же экзамены сдают в квалификационных комиссиях адвокатской палаты. Там появились соответствующие чиновники. Заседают два чиновника из Минюста, два судебных работника, арбитражного и суда общей юрисдикции, и два человека из представительного органа власти региона, в Москве — Мосгордумы, а также шесть адвокатов. Во главе — президент палаты. Казалось бы, всё замечательно. А на самом деле приём в адвокатуру, как в советские времена, практически остановился, принимают из 100 человек 15–20. С одной стороны, адвокатов и нотариусов понять можно, они не хотят, чтобы коллег становилось больше, так как работы на всех может не хватить, стоимость услуг упадёт. А с другой стороны — для населения это потери, в том числе и финансовые. Но там, где возникают трудности, непременно появляется желание их обойти, что порой сейчас и происходит.

— А вы лично, Гасан Борисович, как руководитель всех адвокатов России...

— Стоп! Вы делаете принципиальнейшую ошибку: у адвоката нет и не может быть никакого руководителя! Только так. Поймите, адвокат — это уникальное общественное явление. Если государство по теории — это машина подчинения граждан, то адвокат, по сути своей, — это единственная фигура, назначение которой противостоять государству. Противостоять — не значит быть против воли государства. Миссия адвоката — вно-

ИТАР-ТАСС

сать диалектическое равновесие в процесс реализации государством своих основных функций. Если он этого не делает, значит, он не адвокат.

Вот из этой простейшей истины, вернее из того, что основная масса чиновников, да и граждан в обществе её не понимают, не осознают её сути, и вытекает огромное число проблем.

Специфика адвокатуры российскими чиновниками не осмысливается. Они не понимают, что адвокат должен быть на самом деле независимым свободным профессионалом, что бы, если надо, он мог бы и иск к государству предъявить, и людей защитить.

— Хорошо, не буду вас называть начальником адвокатов. Но помимо всех ваших общественных званий, почётных должностей и должностей в научных и учебных заведениях вы знаете, бывало, вас называли и не всегда приятными именами. Кто-то — раскольником, разрушителем...

— А как бы вы хотели? Шёл слом старых общественных формаций. Путь к новому ни у кого не был бархатным. А итоги всё равно подведёт история. Что бы ни говорили недруги, всё это словесная шелуха! А тем, кто придёт нам на смену, новым поколениям адвокатов, достанется и успешно действующее первое профессиональное объединение адвокатских образований — Гильдия российских адвокатов, и первая в России Академия адвокатуры и нотариата, и золотая медаль Плевако, и целый букет полноценных профессиональных периодических изданий, выпускаемых гильдией, и многое, многое другое... Кстати, с этим согласен уже и большинство тех, кто когда-то был нашим врагом или пока ещё им остаётся.

— Да разве могут у вас быть враги, кто они?

— К сожалению, враги — это все те силы, которым наплевать на реальное состояние адвокатуры. Это власть имущие, которым невыгодно, чтобы адвокат в стране занял подобающее ему место.

Вот недавно я издал свою монографию, которую назвал «Адвокатура и государство: партнёры или оппоненты». Почему в этой монографии я пришёл к выводу, что они всё-таки оппоненты? Потому что в советское время между властью и адвокатурой было достигнуто определённое молчаливое согласие по поводу степени жесткости адвокатов в отстаивании интересов граждан, т.е. адвокатура в большинстве случаев в судах не шла напролом, не опрокидывала основ власти. За это власть давала адвокатам какие-то мизерные преференции в виде налоговых льгот, аренды помещений. Сейчас никаких реальных преференций нет, более того, по экономическим показателям и условиям работы мы сейчас в худшем положении, чем суды, прокуратура, хотя, как и эти субъекты

права, мы на равных по Конституции осуществляем правосудие!

В плане налогообложения нас сравнивали с банками, страховщиками, коммерческими структурами, т.е. аренда помещений, коммунальные платежи, оплата услуг — никаких скидок. Разве мы — не служители закона и не содействуем правосудию? Мне говорят, что адвокаты самозанятые, поэтому нас не касается государственное и пенсионное обеспечение! Что у нас должен быть на этот счёт свой закон. Это же абсурд!

Хотя на нас по-прежнему возлагается обязанность участия в бесплатной юридической и адвокатской помощи малоимущим, то есть важнейшая государственная функция, коим является осуществление правосудия. Вы посмотрите, наши приёмные полны людьми нуждающимися, малоимущими. Закон нас от этой функции не освободил. А посмотрите, в каком порой тяжелейшем материальном положении действуют наши территориальные организации!

И при этом чиновники продавали создание совершенно абсурдных образований — государственных юридических бюро, где штатным работникам зарплата идёт из государственного бюджета. Ну как эти горе-работники смогут вести дела, по сути, против своего хозяина, т.е. государства и его чиновников? Ведь совершенно очевидно, что выделенные на эти бесполезные структуры деньги, если бы они поступили в коллегии адвокатов, были бы потрачены с неизмеримо большей эффективностью. А ведь долги перед адвокатурой у государства за работу, которую мы проводим в порядке оказания бесплатной помощи малоимущим, огромные.

Кстати говоря, создание госюрбюро противоречит Конституции. Так же, как и проект нового закона о бесплатной юридической помощи, который Минюст внёс в Госдуму. Вроде бы они хотят сделать как лучше. И мы не против, но пусть этот закон не противоречит концептуальным основам государственности. Ведь 48-я статья Конституции

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА «ОБЩЕСТВО». То ли у российской Фемиды металл на чаше весов за века поистерся, то ли в рукаве у богини, как некогда у продавцов фруктов, завёлся магнитик. Нужно проявить человеколюбие — под одну чашу пристроить, наказав по всей строгости — под другую.

Перед самым Новым годом, 28 декабря, был отпущен на свободу сын главы Таджикской железной дороги Рустам Хукумов, задержанный в Подмосковье с 9 килограммами героина и осуждённый за контрабанду наркотиков на девять с половиной лет. А 29 декабря другой российский суд отправил на 10 лет в колонию активистку «Другой России» Таисию Осипову (на фото). За найденные у неё в квартире 9 граммов героина. Видимо, по совокупности преступлений — в 2003 году она со словами: «Жируете за счёт простых людей!» прилюдно отгубела букетом гвоздик губернатора Смоленской области.

Таисию Осипову так же, как и адвокат Юлию Печурина, воспитывает несовершеннолетний ребёнок. Но ни для Таисии, ни для Юлии это не стало смягчающим обстоятельством. А вот для виновницы ДТП, дочери председателя Иркутской областной избирательной комиссии Анны Шавенковой, стала. За наезд на двух девушек, в результате которого одна из них погибла, а другая стала инвалидом, Шавенкова была осуждена сначала на три, а затем на два с половиной года заключения с отсрочкой наказания до исполнения ребёнку 14 лет. Реально отбывать срок она начнёт (если начнёт) в 2024 году, а водительские права даже не подошедшей к истеканию кровью девушкам Шавенковой вернут уже через пару лет.

Вот такие весы...

КНИЖНЫЙ РЯД

Собиратель прошлого

Жителю столичного города, избалованному большим количеством музеев, учреждений культуры, да и просто исторических памятников, трудно понять, с какими сложностями в изучении прошлого своей малой родины сталкиваются провинциальные учёные. А ведь именно в провинции живёт большая часть жителей нашей страны. Энтузиасты-краеведы, — а очень часто это люди без научных степеней и специального образования, — стремятся не только собрать и сохранить сведения об успешных временах, но и привить людям уважение к собственному прошлому.

Трудной судьбе одного из таких провинциальных подвижников отечественного краеведения, талантливо-учёного-историка Петра Николаевича Черменского, посвящена книга, выпущенная московским издательством «Древлехранилище». По сути, это не просто биография одного замечательного человека, но серьёзное исследование истории становления и развития краеведения и музейного дела всего Центрального Черноземья в первые послереволюционные десятилетия. Одновременно это ещё и летопись поколения провинциальных учёных, на чью долю выпало пережить сразу две эпохи в истории нашей страны.

Увы, П.Н. Черменскому, которого сегодня считают «одним из самых ярких исследователей средневековья Юга России», не удалось оставить после себя обширного научного наследия, да и автобиография учёный успел

доставить только до 1912 года. Поэтому авторам книги Николаю Кривошеину и Юрию Рыжкову пришлось буквально по крупицам собирать сведения о его жизни и творчестве.

Родившийся в небогатой, но вполне благополучной семье в тамбовской глубинке, будущий историк благодаря своим талантам и усердию получил высшее образование в Петербурге и готовился к блестящей столичной карьере. Но судьба распорядилась иначе. В результате событий октября 1917 года и надвигавшейся на столицу угрозы голода он вынужден был прервать научно-преподавательскую работу, уехал к родственникам в тамбовский городок Лебедянь и всю жизнь посвятил изучению истории российской глубинки.

В начале далёкий от политики молодой учёный пытается привлечь внимание к прошлому родного края, активно используя свои знания и талант энергичного пропагандиста. Переехав в Тамбов, исследует архивы, организует культурно-просветительские кружки, участвует в создании краеведческого общества, руководит Тамбовским народным музеем, занимается научной деятельностью.

Подобно многим российским интеллигентам с дореволюционным «стажем», П.Н. Черменский старается принести пользу своей стране, считая народное просвещение важнейшей своей задачей. Однако новой власти, с подозрением относящейся ко всему «не советскому», нужно

Н.В. Кривошеин, Ю.А. Рыжков. **Петр Николаевич Черменский: жизнь и деятельность выдающегося краеведа.** — М.: Древлехранилище, 2011. — 315 с. — 500 экз.

не столько образование, сколько идеологическое воспитание населения. И если в 20-е годы краеведов с трудом, но всё-таки терпят, то с началом коллективизации обстановка в стране резко меняется. Начинается активное разрушение церквей, других исторических памятников, а самих краеведов сначала обвиняют в «пробоконатстве» и преклонении перед прошлым, а затем и вовсе подвергают репрессиям по политическим обвинениям.

В начале 30-х годов в Москве и Ленинграде начались расправы над профессорами-гуманитариями по так называемому Делу Академии наук. Было арестовано 115 человек, среди которых крупнейшие советские историки С.Ф. Платонов (автор самого знаменитого дореволюционного учебника по русской истории), Е.В. Тарле, С.В. Бахрушин, В.И. Пичет и др., а следом за этим аресты прокатились по всему Черноземью. Фабрикуется «дело» Воронежской областной контрреволюционной монархической организации «Краеведы», руководителем которой объявляется известный воронежский историк профессор С.Н. Введенский.

Учёных и других представителей интеллигенции арестовывали по самым невероятным обвинениям, включая шпионаж, вредительство и даже попытку свержения советской власти. Но на самом деле цель преследовалась одна: отсечь людей от их корней и традиций, разрушить любовь к прошлому своей страны.

После этих событий историческое краеведение в СССР фактически заглохло, основное внимание стало уделяться изучению послереволюционных событий. Да и само краеведовство было прекращено только в 1978 году — «за отсутствием события преступления». По абсолютно надуманному обвинению безвинно пострадали 92 человека: пятерых приговорили к расстрелу, а остальные получили различные сроки, в их числе и П.Н. Черменский, приговорённый к 10 годам в Солдатовском концлагере. И только в 1939 году он был освобождён досрочно за работу на строительстве знаменитого Беломорканала.

Заключение тяжело отразилось на личности П.Н. Черменского. Он стал более осторожным, замкнутым, избегал любой административной работы. О возвращении в большую науку речи уже не шло. Настоящей жизненной трагедией было то, что остался нереализованным огромный потенциал учёного, который был в нём заложен. На склоне лет П.Н. Черменский с горечью говорил: «Подчистую всё 30-е годы вычеркнули из моей жизни. За что — убей не знаю...».

Война застаёт учёного в Курске, и он находит в себе силы

бороться за спасение экспонатов городского краеведческого музея. Именно благодаря П.Н. Черменскому был предотвращён разгром музейных залов, и большая часть его экспозиции и фонды были спасены. В послевоенные годы жизни учёный занимался археологией Курского края и Тамбовщины, преподавал. Но наиболее важной своей задачей он по-прежнему считал работу по историко-патриотическому воспитанию подрастающего поколения. В этом он видел залог будущего успеха своей страны. «Природный оптимизм и глубокий интерес к историческим изысканиям всегда поддерживали меня и вселяли надежду на преодоление трудностей и невзгод жизни», — писал учёный на склоне лет.

Долгая жизнь П.Н. Черменского, — а прожил он 89 лет, —местила многое. Кажется, что самой судьбой ему было предначертано стать своеобразной связующей нитью между старой и новой школами отечественного краеведения. Труды учёного не пропали даром. Возрождённый уже после его смерти Лебедянский краеведческий музей, который П.Н. Черменский создал в 1919 году, ныне носит его имя. Во многих городах Черноземья воссозданы краеведческие общества. Но самое главное — люди в России в последние годы начинают активнее интересоваться своей историей. То есть тот нравственный посыл, который передали нам настоящие подвижники местного краеведения, такие учёные, как П.Н. Черменский, находят своих адресатов и последователей.

Александр СЕБЕЛЁВ

О ВРЕМЕНА!

Вампир — вместо Снегурочки

В предновогодней новостной ленте промелькнуло сообщение: ребятами одной из школ решили пригласить на праздничную ёлку вместе с Дедом Морозом... нет, не его давнюю подругу — Снегурочку, а вампира. Судя по стилю заметки, нам предлагали умилиться — какое современное поколение подрастает!.. Но умиляться почему-то не хочется.

Бал правит жестокость. По «ящику» демонстрируют очередную выпуск школьного режиссёрского «Ералаша». Девочка не даёт списать ответ своим друзьям. И те не находят ничего лучшего, как связать подругу и пригрозить ей средневековыми пытками, на которые щедрь нынче бандитские сериалы.

Вот на сцене знаменитого Московского государственного академического детского музыкального театра имени Н.И. Саидидзе новая постановка — опера Джонатана Доува «Приключения Пинокио». Вся атмосфера в театре настроивается на встречу с чудом. Уютные залы для оперных и балетных спектаклей, просторные фойе, зимний сад... Юная публика вслушивается в звуки оркестра и невольно вздрагивает, когда на сцене Кот и Лис не понарошку, а взаправду перебарывают через сухую ветвь дерева верёвку и налегают на шею герою петлю, а тот старательно изображает предсмертные мучения. Дети прижимаются к родителям, когда на сцену торжественно вносятся... огромный чёрный гроб, собираясь уложить в него непослушного мальчишку.

В репертуаре детского театра такое удивительное наследие — спектакли «Золушка», «Волшебник Изумрудного города», «Шелкунчик», «Дюймовочка», «Снежная королева». И вот почему-то непонятный собой, словно бы навеянный рыночным поветрием, — ухватить то, что, по мнению взрослых авторов постановки, обеспечивает «смирительность» представления, а значит, и наполнение кассы...

Хочется верить, что под крылом Синей птицы, птицы счастья — символа театра, сохранится верность доброте. Без неё ведь никак нельзя нашим мальчишкам и девчонкам!..

Михаил ГЛУХОВСКИЙ

ПОЛЕМИКА

Всегда ли мы в житейской суете, в стремлении к очередному успеху (а он нередко оказывается лишь недолговечным символом престижа), осознаём, что попали в ловушку бессмыслицы жизни? Что живём по инерции, не понимая смысла своего бытия? Что становимся похожими на марионеток, чьи поступками управляют обстоятельства?

Что слова «*Всё равно от нас ничего не зависит*» (их чаще всего приходится слышать от тех, кто отказывается ходить на выборы) свидетельствуют о гражданском крушении личности? Что хронический алкоголизм и наркомания — это следствие утраты содержания жизни?

Как его обрести?

И может ли человек сделать это в одиночку?

Публикуемая сегодня статья психолога, конечно же, не исчерпывает эту злободневную тему, поэтому надеемся, что читатели «ЛГ» продолжат её в своих откликах.

Отдел «Общество»

Коварство разума

Как не попасть в ловушку бессмыслицы жизни

Сажусь в такси. Водитель включает «навигатор». И тут же прорезался женский голосок: «Восьмьсот метров прямо, затем поворот направо». Подумал: вот бы человеку такой навигатор по жизни, чтобы подсказывал, где направо, где притормозить, а где солоник подстелить... Может ли быть таким навигатором смысл жизни? А есть ли он вообще? И если есть, то как его открыть? Или жизнь каждого из нас просто бесконечно повторяющийся круг рождения, взросления и умирания?

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Рано или поздно каждый задаёт себе этот вопрос. Одни считают, что смысл жизни — предмет схоластических споров, которые можно вести бесконечно. Другие напротив уверены, что процесс поиска и обретения смысла жизни чрезвычайно важен для человека и существенно определяет его судьбу. Автор книги «Человек в поисках смысла» В. Франкл приводит данные о том, что 90% хронической алкоголизации и почти 100% случаев наркомании связаны с утратой смысла жизни. Есть основания утверждать, что одна из главных причин многих бед современного общества — бездумное отношение к жизни, стремление жить только сегодняшним днём.

Некоторое время назад «Литературная газета» опубликовала результаты проведённого в Санкт-Петербурге конкурса сочинений старшеклассников на тему: «*Будущее, в котором хочется жить*». Специальная жюри проанализировало тысячи (!) сочинений. Из заключения жюри: «*Настораживает отсутствие будущего. Как будто нынешнее поколение идёт в пустоту, не представляя, ни что их ждёт, ни какими они станут*». («ЛГ», № 19, 17.05.06.)

Но если есть смысл жизни, который может помочь выстроить свою судьбу, не погрязнуть в суете сегодняшнего дня, тогда — искать, найти свою «нить Ариадны» и уверенной поступью идти вперёд по жизни! Если бы всё было так просто... Кто выдаст «гарантийный талон», что обрётённый мной «смысловый навигатор» исправен, надёжен и непременно приведёт именно туда, куда я хотел бы попасть?

РАБЫ ИДЕИ

Смысл жизни — «продукт» человеческого интеллекта. А интеллекту свойственно ошибаться. Современная наука предупреждает: мы недооцениваем значимость негативных последствий неразумного, ошибочного мышления для человека и человечества. По мере развития интеллекта «совершенствуется» и заблуждающийся разум. Заблуждение становится всё более сложным, тонким, всё более замаскированным под истину.

Коварство заблуждающегося разума в его высокой приспособляемости, способности выстраивать логику, стирающую границы между добром и злом. Примеры? Вот они.

...Стремление к национальной идентичности, защита интересов своей нации, борьба за её благополучие, равноправие, процветание — адекватная модель поведения, заслуживающая всяческой поддержки. Но вот на каком-то этапе стремление к равноправию и процветанию своей нации перерастает в идею её превосходства над другими. Идею, породившую бесчисленные страдания, гибель многих миллионов людей.

...Преимущества рыночных отношений в экономике несомненны. Но вот стремление к рыночным отношениям перерастает в идею: рынок всё сам организует. Минувшие десятилетия наглядно показали неправомочность абсолютизации саморегулирующей роли рынка.

...Безусловно положительная тенденция, направленная на демократизацию, либерализацию социальной жизни, соблюдение прав и свобод личности, доведение до крайности, оборачивается свободой насилия, непомерно возросшим масштабом преступности.

Подобные примеры можно продолжать... Где та граница, пересекая которую добро переходит в зло? Где тот рубикон, перешагнув через который правильная, продуктивная идея становится «оборотнем», приобретает содержание, с точностью до наоборот противоположное первоначальному смыслу? Можно ли дать отпор «диверсантам» и «лазутчикам», которые так и норовят сделать наши добрые намерения дорогой в ад?

Заблуждающийся разум находит своё реальное воплощение в формировании ложного смысла жизни, который может стать дорогой в никуда. Он превращает человека в раба не обстоятельств, в которых живёт, а созданной им самим ложной логики жизни. Он привыкает к ней, «пропитывается» ею, подчиняет ей свою судьбу.

ЛОЖНЫЙ СМЫСЛ

Обычно говоря о смысле жизни, мы имеем в виду определённую идею, выражающую собой главную жизненную ценность человека. Но современные исследо-

вания показывают, что на самом деле имеет место целая система смыслообразующих ориентаций. И очень многое зависит от того, как выстроена эта система, как взаимодействуют её компоненты. В некоторых случаях один из компонентов иерархии, один интерес, разрастаясь, приобретает абсолютную власть, становится «агрессивным», вытесняет другие компоненты или деформирует их, заполняя собой всё пространство смысловой сферы личности.

Результат — события реальной жизни. Чаще всего — трагические. Известно, в последние годы наша страна пережила целый ряд аварий и катастроф. Напомним лишь некоторые из них:

- авария на Саяно-Шушенской ГЭС и гибель людей;
- пожар в ночном клубе «Хромая лодка» и гибель людей;
- катастрофа с теплоходом «Булгария» и гибель людей, в том числе десятков детей.

Разумеется, по каждому случаю принимаются меры. Возбуждаются уголовные дела, проводятся проверки, ужесточаются правила. Но спасут ли эти меры от будущих катастроф?

Почему мы не доходим до главной, стержневой причины этих печальных событий: *направленность личности на добычу денег любым способом, которая становится главной жизненной потребностью, вытесняет на периферию сознания истинно человеческие ценности*. Порождает равнодушие к судьбам людей и всепоглощающее стремление выжать максимальную прибыль из эксплуатации ГЭС, ночного клуба, теплохода. Вынуждает не тратить средства и силы на профилактический ремонт оборудования, на противопожарные мероприятия.

«Деспотическое» господство одной идеи, одного интереса деформирует смысловую сферу личности, являясь одним из психологических механизмов формирования ложного смысла жизни.

ЧЕЛОВЕК НЕ АНГЕЛ

«...Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» — этот, высказанный в немецкой идеологии К. Марксом и Ф. Энгельсом, тезис, в котором сознанию фактически отводится роль «пассивного отражателя» бытия, оказался весьма удобным для идеологии тоталитарного общества. Он как бы научно обосновывал правомочность авторитарного, прямолинейного воздействия на сознание людей. Личность рассматривалась в основном как результат интериоризации (усвоения) внешних социальных влияний.

Как это ни парадоксально, и в постсоветское время такой подход остаётся руководством к действию: бытие определяет сознание. И точка. Измените бытие, введите рыночные отношения, разрешите частную собственность — и всё образуется. Однако изменение внешних условий жизни людей неоднозначно сказывается на их сознании.

С другой стороны, сознание не является простым отражением бытия, но существенно воздействует на него. Отсюда следует, что социально-психологические факторы — сознание людей, духовно-нравственное состояние общества — имеют отнюдь не меньшее значение, чем уровень материального производ-

ства. Можно сказать, что только взаимодействие этих факторов придаёт полноценный смысл процессу социального развития.

Но человек не ангел. Известна *дуальность природы человека*, которая в одних случаях представляет собой высочайшее проявление человеческого духа, в других — может основываться на примитивных потребностях и влечениях. Вывод прост: человек — предмет (и субъект) воспитания. Полтора столетия назад это убедительно доказал К.Д. Ушинский.

Является ли человек «предметом воспитания» в сегодняшней России?

ПРОРАСТАЮЩИЕ СЕМЕНА

Реальностью сегодняшнего дня является рост преступности, огромное количество безнадзорных детей, сирот при здравствующих родителях. По данным социологических исследований, более двух третей выпускников школ-интер-

этапов, возрастных периодов, событий и ситуаций, но как к единому целостному жизненному пространству.

Поиск смысла жизни неизбежно связан с осмыслением человеком своего настоящего, прошлого и будущего как единой линии жизни, осознанием того, что настоящее и будущее не просто сменяют прошлое, они *вырастают* из него, с извлечением уроков: *прошлое не учит лишь того, кто не ждёт от него учиться*.

Характеризуя вертикальное измерение смысла жизни, вспомним Архимеда, который утверждал, что если ему дадут точку опоры, он повернёт Землю. Учёный, несомненно, имел в виду точку опоры вне Земли. Подобную работу выполняет смысловая вертикаль. Она позволяет человеку занять позицию не только над своим настоящим, прошедшим и будущим, но и над собственной индивидуальной жизнью вообще.

Вертикальное измерение смысла жизни — это смысловое образование, обусловленные воздействием норм общечеловеческой нравственности, религиозных убеждений, национальных, родовых традиций и т.д.

Смысловая вертикаль, аккумулирующая не только внутренние, но и внешние силы духовной жизни человека, воспитывает совесть. О ней русский философ И. Ильин писал, что это проявление духовной свободы человека, содержащей могучий посыл к совершению нравственного поступка.

Именно эта «архимедова точка» опоры формирует стержень личности, её устойчивость по отношению к негативным влияниям, позволяет человеку решать трудные проблемы, не поступаясь тем, что ему дорого, что может быть является смыслом его жизни.

Огромная роль школы в формировании смысловой вертикали человеческой жизни. Школьные годы — время интенсивнейшего становления личности, когда формируется (или не формируется) её стержень. Вот почему духовно-нравственное воспитание в школе, как и образование вообще, не может, не должно быть делом дополнительным, которому уделяется вторичное внимание и которое финансируется по остаточному принципу.

СПАСЕНИЕ ОТ БЕССМЫСЛИЦЫ

К сожалению, предмет воспитания в современной российской школе явно недооценивается. Можно спорить о достоинствах и недостатках ЕГЭ, о том, каким предметам следует отдать предпочтение в новом проекте образования. Но бесспорным недостатком этого проекта является его основная направленность, сформулированная достаточно чётко: *новое образование должно работать на новую экономику*.

И старое начинается сызнова. Мы как будто ушли от человека с психологией «винтика» государственной машины, но приходим к психологии «винтика» рыночной экономики. Разумеется, нужно подготовить школьника к жизни в условиях рыночной экономики. Но не менее важно научить его быть личностью, чтобы смысл жизни будущего *рыночника* не свёлся к добычи денег любым способом. (Важнейшая проблема, которая должна найти свою нишу в процессе образования — нравственная составляющая рыночных отношений.)

Научить быть личностью, добиваясь того, чтобы в процессе образования человек становился лучше — что может быть важнее этой задачи?

Между тем положение учителя в современном российском обществе явно не соответствует задачам его профессиональной деятельности. Реальностью сегодняшнего дня является снижение социального статуса учителя (государство официально признало, что зарплата учителя в два раза ниже средней по стране). Существует мнение, что в современных условиях, когда чрезвычайно расширились возможности электронных средств информации, дистантного обучения, — роль учителя снижается. Думаю, именно сегодня в условиях чрезвычайно возросших требований к процессу социализации подрастающего поколения роль учителя напротив должна возрастать! Никакие достижения научно-технического прогресса не могут затмить непосредственного влияния на школьника *личности учителя*, главный смысл жизни которого — сеять разумное, доброе, вечное.

«...В жизни много бессмыслиц. Но ведь обретение смысла или преращение его в бессмыслицу — дело рук человеческих. И значит, в наших силах изменить ситуацию — видеть смысл развивающихся событий и меру своего участия в этом развитии, не спрашивать, «по ком звонит колокол», а обратиться к себе с вопросом: что я сделал, чтобы предотвратить эту бессмыслицу...»

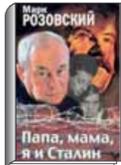
Вилен ЧУДНОВСКИЙ, доктор психологических наук

КНИЖНЫЙ РЯД

Семья в контексте ЭПОХИ

Несколько лет назад довелось мне побывать на зональной конференции историков и услышать в одном из выступлений, что сейчас происходит бурное накопление первичной информации, очищенной от догм советского периода, осмысление и анализ которой придёт позднее. Вспомнил об этом, читая увесистый том, составленный давним автором «ЛГ», известным режиссёром. К тому же человеком моего поколения, что всегда помогает при чтении семейных хроник.

Марк РОЗОВСКИЙ. Папа, мама, я и Сталин. Документальное повествование. — М.: Изд. Зебра Е, 2011. — 768 с.: ил. — 2000 экз.

В центре повествования — горестная история об аресте, несправедливом осуждении и длительной отсидке отца автора — экономиста Семёна Михайловича Шлиндмана. Едва ли не половину книги составили его письма из ГУЛАГа.

В письмах слишком много потрясающих деталей, чтобы их приводить в краткой рецензии, но некоторые нельзя обойти. В День Победы эзков устроили сверхплановым киселём, а затем в столовой начальство устроило для себя праздничный пир. В середине ночи кто-то вспомнил, что заключённый Шлиндман хорошо пел в самодеятельных концертах, и вызвали его из барака. И пришлось петь перед тюремщиками — в том числе «Песню о Сталине». А когда он вернулся домой в Москву, сын его был уже не грудничком, как в день ареста, а десятилетним мальчиком. Всю войну мать говорила сыну, что его отец воюет на фронте, и тот посылал ему письма, которые она тщательно прятала. А когда муж вернулся, мать сказала: «Марик, не бойся. Это твой папа». От таких сцен горло перехватывает...

Марк Розовский искусно выстроил композицию, сопроводил письма отца и матери необходимыми комментариями и связками. К сожалению, «общейсторической» (или «общеполитической») часть книги удалась ему меньше. Кроме чёрной, никаких других красок для рассказа об СССР он не взял. И дело не в «точке зрения», право на которую имеет каждый, а в выборе самых нелепых «источников». При всей трагичности 1930-х годов они вовсе не были самыми кровавыми в истории. Мировая наука давно уже просчитала масштабы наших потерь: в революции и Гражданскую войну — 20 миллионов, в коллективизацию — 10 миллионов, в репрессиях 1930-х годов — около 1 миллиона человек.

Подобно многим другим мемуаристам, Марк Розовский ни слова не говорит о трагедии коллективизации и о том, как реагировали на неё описываемые им энтузиасты социалистического строительства и представители ленинской гвардии. Будем откровенны: очень многие из них были равнодушны к судьбам раскулаченных и высланных крестьян. Так чего удивляться и возмущаться, что, когда они сами были раздавлены Красным Колесом, широкие слои советского общества продолжали жить своей обычной жизнью.

Сказанное, разумеется, не умаляет заслуг автора книги «Папа, мама, я и Сталин». Особенно (вспомним научную конференцию, упомянутую выше) перед будущими историками, которым он подарил бесценный материал.

Юрий БАРАНОВ

ГРИМАСЫ ЖИЗНИ

Лампочка

В основе этой истории — переписка жительницы Московской области с местной администрацией, обнаруженная мною в Интернете. Типичная ситуация: женщина живёт на улице, которая в вечернее и ночное время освещается по принципу «лампа загорелась — поехали». Только вот, судя по переписке, местные фонари ну никак не желали добросовестно исполнять свои «должностные» обязанности. И уставшая от постоянных «отказов», Ирина Ивановна пожаловалась в местную администрацию.

Освещение было восстановлено, причём оперативно, но то ли вкрученная энергетиками лампочка не «прижилась» на новом месте, то ли что-то в очередной раз там «закоротило», только цивилизация снова ушла и улица погрузилась во тьму. И вновь письма в администрацию, и снова дежурный ответ, мол, в ближайшее время выдадим новую лампочку.

Месяцы шли, а лампочка всё не было. «Была не была», — решила женщина и отправилась в магазин. За лампочкой. Принесла на свою улицу свет, что называется, в собственных руках. Но залезть на столб и вкрутить её сама не решилась. Женщина ведь всё-таки! Что же делать-то? Снова звязлась за перс:

«Уважаемая администрация! Я купила лампочку, осталось её вкрутить в уличный фонарь. Пришлите, пожалуйста, специалиста!»

Администрация оказалась на редкость общительной, ответила женщине и в этот раз:

«При наличии технических средств, автомобиль-вышки, лампочка будет заменена. Замена лампочки будет произведена в течение недели». Трубим о каких-то инновациях, а полстраны ещё на печках сидит и ждёт, когда же к ним придёт по трубам голубое топливо! А может, в избы инновационные печки поставить? Чтоб по щучьему велению... Или на худой конец каждому выдать по инновационному автомобилю-вышке, дабы лампочку менять не в течение недели, а за минуту.

Можно только представить, каким могло бы быть очередное письмо жительницы в адрес местной власти и ответная реплика на него:

«Уважаемая администрация, я сама всё вкрутила!»

«Ирина Ивановна, объявляю Вам благодарность за помощь органам местного самоуправления. Ваш глава».

Согласитесь, ситуация вполне может быть разыграна в комедийной сценке в каком-нибудь театре. Например, в театре абсурда...

Роман БУНАРЁВ,

СТУШИНО, Московская область

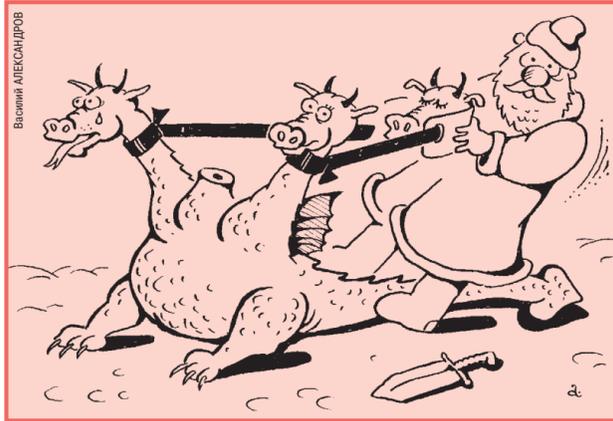
ДРАКОНИАДА «КЛУБА ДС»

Разные наряды

Один дракон оказался натурой весьма деликатной. Он долго размышлял, как сделать так, чтобы, свободно разгуливая по всему городу, при этом не смутить своим видом других прохожих.

Дракон задумался. И переоделся обыкновенным профессором ботаники. В таком виде он снова вышел на улицу...

Сергей ГЕОРГИЕВ

РУБЛЕННЫЕ РИФМЫ

Каждому свои права. Рады воры и дельцы. Не для всех образцов, Нет бесплатной медици. Но завидовать не на. Только годы пролетят.

И были мы, увы, неправы, Казённый потроша карман... Пока в тюрюге не сидим, Пока менты нас не порвали,

Чтобы уверенно смотреть В глаза дотошным прокурорам, Чтобы с бомжами пить и петь, Плясать и плакать под забором.

И БЫЛИ МЫ, УВЫ, НЕПРАВЫ... (Из переписки олигархов после встречи с ВВП) Наживы лёгкой, шумной славы Лет десять тешил нас обман.

Всем нужны как воздух мани — Это стержень всех понятий: В государственном кармане Тесно от рукопожатий.

«КЛУБУ ДС» — 45 ЛЕТ

Былое и думы

А как это всё теперь назвать?..

Порядочному и внешне интеллигентному гражданину Российской Федерации, каким я в последние годы себя идентифицирую, следовало бы испросить у Александра Ивановича, царство ему небесное вместе с разбуйшими его декабристами, разрешения на вышеобозначенный заголовок, который, на мой вкус, блистательный. Хотя у иных писателей с названиями своих творений просто беда.

Избранные места из одной книги

А как это делалось в «Клубе 12 стульев»?

В «Клубе 12 стульев» придавали почти решающее значение заголовкам. Владимир истекал благодарностью за название его художественного полотна «Каватина Людоода».

Несколько лет подряд к 1 июня я носил Тертеряну подборку 16-й к Дню защиты детей. Подборка называлась скромно: «День защиты детей от взрослых».

Ник дурак? Оглашаю. Уже хохот. Отвечаю: «Пронесите это чувство через всю жизнь». Зал громче тысячи пушек выражает чувство глубокого удовлетворения.

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

УБИЙСТВО ПОЭТА

Как-то раз в обширпанной пивнушке, Запивая водкой козника, Встретились Есенин, Фет и Пушкин.

Журнал метнула прямо в форточку, Устроив завучу шорпиз. Скатилась с горочки на корточках И по перилам сверху вниз.

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ

Вы с ними где-то смеялись

Многие разновидности коллекционеров имеют названия — филокартисты (открытки), филуменисты (спичечные этикетки) и т.д. У собирателей юмористических произведений своего названия нет.

да, иногда из-за своей любви к шаржам Э. Кузнецов готов причислить к таковым любой портрет. В частности, считает шаржами изображения Пушкина и Горького рядом с заголовком «Литературной газеты».

Александр Иванов. Шарж Вячеслава ЛОСЕВА

Эдуард Кузнецов. Шарж неизвестного художника

однажды по старому Арбату, где уличный художник сделал его шаржированный портрет. Теперь тот рисунок опубликован в «Книге о шаржах» в надежде на то, что автор отзовется.

МЕЛОМАНЫ «КЛУБА ДС»

Плимутский симфонический

Только что вернувшись с концерта Плимутского симфонического оркестра, который из Америки. Говорят — это событие в любой музыкальной жизни. Событие произошло в главном зале Общественного дома Праги.

«Стоп!» Я же всё это бесплатно по радио слышал. И не надо на изобретателя радио Попова сваливать, что качество звука хуже, чем в зале.

А я музыке серьёзно не обучался, хотя учителя хвалили: абсолютный слух. Но я нарочно делал ошибки, чтобы меня выгнали из музыкальной школы, и добился своего.

ИЗ УСЛЫШАННОГО

ДРУГ МИЛЛИОНЕРА

Как и многие другие солидные фирмы, администрация «Клуба ДС» тоже создала на новогодний праздник гостей. Водя хороводы вокруг ёлки, они не только рассказывали о своём житье-бытье, но и травлили свежие анекдоты.